

Об одной особенности предударного вокализма в брянском говоре первой половины XVII века

Багаудинова Наталья Александровна

Аспирантка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

В текстах брянской отказной книги 1613–1652 гг. (РГАДА, ф. 1209, оп. 2, № 11332; исследованы лл. 1–665об.) нам встретились весьма нетипичные написания: *в^опъче* 293, 551об., *пя^тна^тца^т къпе^т* 37. Немаловажно то, что орфограмма *в^опъче* встретилась дважды в разных текстах, принадлежащих одному писцу, а значит, достаточно неожиданное появление здесь выносного *о* мы не можем расценивать как случайный факт орфографии. Вероятно, писец таким нетривиальным способом (как известно, в скорописи выносились обычно буквы, обозначающие согласные звуки, находящиеся в позиции перед следующим согласным или в конце слова) попытался передать звук особого качества, для которого в его сознании не имелось определенного графического соответствия. Таким образом, выносное *о* может указывать на произношение в данной лексеме, достаточно частотной в исследованных текстах, очень короткого, неустойчивого или даже приближающегося к нулю звука.

Если обратиться к написанию *къпе^т*, то допустимо предположить, что здесь в первом предударном слоге произносился такой короткий звук, что он мог редуцироваться до нуля, и этот ноль, видимо, передается буквой *ъ*, которая, как известно, в сознании писцов с гласным звуком уже не ассоциировалась и употреблялась обычно между согласными в середине слова или после согласного в конце слова, указывая на твердость предшествующего согласного в случае различения писцом букв *ъ* и *ь*. Следовательно, в написании *къпе^т* употребление буквы *ъ* между согласными действительно может свидетельствовать об отсутствии произношения здесь гласного звука или же указывает на произношение сильно редуцированного, близкого к нулю гласного звука, не получившего отражения на письме.

Что касается ударного гласного, то в форме «копен» под ударением находится [e]; или [ʼo], наречие же *вобче* исторически восходит к форме М.п. мягкого варианта склонения *въ обьчи*, но здесь достаточно рано по аналогии с твердым вариантом склонения возник *ѣ* [Соболевский: 65]. Таким образом, данные примеры могли бы свидетельствовать о том, что в говоре писцов в первом предударном слоге после твердых согласных перед **е* и **ѣ* под ударением был представлен звук «не-[a]», при этом он находил нестандартные способы отражения на письме – в виде *о* выносного или пропуски буквы, обозначающей гласный звук, и употребления вместо нее буквы *ъ*.

Но в текстах брянской отказной книги встретилось немало примеров употребления *а* на месте *о* в позиции первого предударного слога перед ударенным [e], восходящим как к **е*, **ь*, так и к **ѣ*, что могло быть вызвано только произношением [a] или звука, близкого к [a], в указанной позиции в говоре писцов. При этом показательно, что среди этих примеров находим *капе^т* 117об., 118об. и др., *капень* 117, *ва^тче* 137об. Из этого следует, что случаи *в^опъче* и *къпе^т* следует признать выбивающимися из общей системы вокализма первого предударного слога после твердых согласных, характеризовавшего брянский говор в первой половине XVII века, и возникновение звука «не-[a]» здесь вызвано не позицией перед ударенным [e], а, очевидно, иными причинами.

В обзорной статье о говорах Брянской области (по материалам экспедиций Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена 1951–1953 гг.) В.И. Чагишева приводит описание системы предударного вокализма после твердых согласных в говорах ряда районов, территориально расположенных к югу от Брянского района [Чагишева: 186]. Описанная система предударного вокализма очень похожа на ту, которая восстанавливается по данным рукописей для брянского говора первой половины XVII века: [a] произносится перед всеми ударенными гласными,

однако перед гласным нижнего подъема наблюдается параллельное употребление [ъ] и [а], то есть звуки [ъ] и [а], вероятно, могли акустически сближаться в звуках типа [ъ^а] или [а^ъ]. Кроме того, в некоторых словах в селе Евдокимовке Комаричского района отмечена сильная редукция гласного первого предударного слога не перед <а>: *пъјѣхъла*, *пъдмѣс*□, *пътѣм*, - что для нас представляет особый интерес.

Есть фонетический факт, который помогает объяснить подобное произношение. Многие исследователи отмечают, что губные и заднеязычные согласные могут оказывать сильное влияние качественного характера на звук [ъ] и способны вызвать его лабиализацию вплоть до изменения его в гласный верхнего подъема [у] [Аванесов: 69–70], [Брок: 5, 19, 21], [Пеньковский: 106]. Возможно, что такое же влияние могли оказывать губные и заднеязычные согласные на звук [а], который в результате их лабиализующего воздействия сокращался и приближался по звучанию к гласному среднего ряда, то есть становился выше по подъему.

Таким образом, обращаясь к написаниям *в^опъче* и *къле^н* и к примерам В.И. Чагишевой, сразу можем отметить наличие благоприятных консонантных условий, способных вызвать качественное изменение гласного звука. В первой форме интересующий нас гласный находится в окружении губных согласных звуков [в] и [п], во второй форме буква, обозначающая гласный звук первого предударного слога, пропущена в позиции после заднеязычного [к] перед губным [п]. Следовательно, в данных написаниях действительно могло найти отражение живое произношение писцами отдельных слов.

Литература

- Аванесов Р.И. Очерки русской диалектологии. М., 1949.
Брок О. Говоры к западу от Мосальска. СПб., 1916.
Пеньковский А.Б. Фонетика говоров западной Брянщины. Кандидатская диссертация, Владимир, 1966.
Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. М., 2005.
Чагишева В.И. О брянских говорах (По материалам экспедиций ЛГПИ им. А.И. Герцена 1951 – 1953 гг.) // Ученые записки Ленинградского гос. пед. ин-та им. А.И. Герцена. Т. 130. Л., 1957. С. 175-212.

Местоимение **тъ** в Рогожском летописце в сопоставлении с московскими и псковскими летописями XIV – XV вв.

Балкарова Ксения Михайловна

Аспирантка Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова

Анализ особенностей склонения местоимения **тъ** оказывается важным для характеристики летописного памятника с точки зрения его отношения к книжной норме, отражения диалектных черт, а тем самым и его происхождения и источников.

Рогожский летописец (РЛ) – памятник сложного состава. Он отражает черты разных летописных источников, связанных с разными диалектными зонами и местными традициями (Новгородской IV, Суздальской, Тверской и Симеоновской летописей и некоторых тверских источников) [СККДР, с.22-23]. В связи с этим представляет интерес сопоставление РЛ с Никоновской летописью (НЛ) за XIV - XV вв., созданной в зоне Центра, и Псковской третьей летописью по Строевскому списку (Пск. 3-я лет.). Подобное сравнение позволяет конкретизировать положение Рогожского летописца, отражающего некоторые диалектные черты тверского говора, по отношению к книжной норме, с одной стороны, и московской и псковской диалектной системам - с другой.

Сопоставление парадигм местоимения **тъ**, представленных в данных источниках, выявило следующие наиболее показательные пункты.

1. И. п. и В. п. ед. ч. На первый взгляд, Рогожский летописец близок к НЛ за XIV - XV вв. - об этом свидетельствует употребление формы **тои** в достаточно книжных контекстах и/или устойчивых формулах и отсутствие членных форм И. и В. п. ср. р. ед.

ч., известных в Пск. 3-й лет.: ...вънуши Боже молитву мою и прочте и до конца, **въ тѣи бо часъ** взяша отъвѣтъ на оубіеніе его. 1318 г. [РЛ, л.267]. Однако в В. п. ед. ч. ж. р. в РЛ зафиксирована только форма **ту**, вследствие чего летопись оказывается противопоставлена и НЛ, и Пск. 3-й лет., поскольку и в московском, и в псковском памятниках широко употребляется членная форма **тую**. Ср.: *Пуминъ же съзирая ризницу и казну Митяеву обрѣте ту прежереченую харатію...* 1377 г. [РЛ, л.328] – ср.:...*преложили тую святую соборную церковь во имя святого Преображенія Господня.* 1399 г.[НЛ, 11: 174].

С другой стороны, в РЛ зафиксирована одним примером диалектная северо-западная форма В. п. ед. ч. м. р. **тыи**, отсутствующая и в НЛ, и даже в Пск. 3-й лет.: *Въ тыи часъ видѣти година бѣ страшна...* 1409 г. [РЛ, л. 361].

2. Р. п. ж. р. ед. ч. РЛ оказывается противопоставлен НЛ и Пск. 3-й лет. за счет абсолютно преобладающего употребления формы **тоѣ** (200 из 207 примеров), характерной, скорее, для делового языка [Петухова, 1958]: в НЛ и Пск. 3-й лет. наиболее распространенной является церковно-славянская форма **тоя**, которую можно рассматривать как своего рода маркер книжности текста [Булаховский, 1958]. Ср.: *Тоѣ же осени князь Борис заложи городъ сыпати. 1363 г.* [РЛ, л. 291] - *...приде съ другую страну рѣки тоя Угры...* 1409 г. [НЛ, 11: 205]; *И пакы тоя же осени взяше с Немци перемирье на третью зиму до Оустретьня господа нашего Иуса Христа...* 1408 г. [ПЛ: л. 55].

3. Другие косвенные падежи ед. ч. В других косвенных падежах ед. ч. всех трех родов обнаруживается определенная близость РЛ к НЛ за счет отсутствия адъективных форм - в отличие от Пск. 3-й лет., где такие диалектные формы зафиксированы в Т. п. ср. р. (**тымъ**): *...оже Немци прислаша Немчина на Псковъ съ тымъ словомъ, чтобы нашему послу добровольно приехати...* 1463 г. [ПЛ: л. 107]

4. И. п. и В. п. мн. ч. В данном пункте РЛ проявляет сходство с Пск. 3-й лет. в следующем: 1) форма **тѣ** употребляется в достаточно небольшом числе примеров и исключительно в значении м.р.; 2) в В. п. зафиксирована форма **ты** (правда, в отличие от Пск. 3-й лет., при существительном м. р., а не ж. р.): *...сущу ему в Кіевѣ въ ты дни...* 1377 г. [РЛ, л. 329] – ср.:...*и в ты поры на Москве колоколь благов, сникъ напрасно отпаде...* 1547 г. [ПЛ: л. 213]. С другой стороны, в РЛ вновь обнаруживаются специфические по сравнению с НЛ и Пск. 3-й лет. примеры. Это касается отсутствия в РЛ отмеченной в НЛ и Пск.3-й лет. адъективной формы **тыя**, «пересчитанной» на книжный язык из разговорной формы **тыѣ**, и, наоборот, наличия форм **тыхъ** и **тыи** В. п. м. р. мн. ч., не зафиксированных в других летописях: *...а которыи почаль не повиноватися ихъ волѣ, на тыхъ почали посягати злобою...* 1367 г. [РЛ, л. 297]; *Въ дни же тыи Василіеви великому князю ключися нѣкыи гнѣвъ имѣти съ тѣстемъ своимъ...* 1409 г. [РЛ, л. 358 об.].

5. М. п. мн. ч. В РЛ зафиксирован один пример с местоимением **тѣ** в адъективной форме: *...и по немъ пребыти сущимъ въ тыхъ дѣлехъ тако же инымъ епископомъ.* 1382 г. [РЛ, л.339]. Подобная форма известна также в Пск. 3-й лет.: *...язь пакъ о томъ слю к вамъ о тых оуправахъ своего посла у свою вотчину...* 1475 г. [ПЛ: л. 167].

Стоит отметить, что большая часть адъективных форм, в частности формы **тыи** В. п. м. р. ед. ч., **ты** и **тыи** В. п. м. р. мн. ч., **тыхъ** М. п. мн. ч., зафиксированы в той части РЛ (после 1375 г.), которая, видимо, восходит к протографу Троицкой летописи, подвергнутому тверской редакции [СККДР, с. 22-23].

Таким образом, в склонении местоимения **тѣ** в РЛ представлены как черты «центральной» летописной традиции, так и некоторые северо-западные особенности, при этом специфически книжные формы склонения этого местоимения для РЛ мало характерны.

Литература

Булаховский Л. А. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев, 1950.

Петухова Е. Н. Склонение указательных местоимений *тъ, та, то* в памятниках 14 – 16 вв. // Ученые записки ИГПУ, каф. русского языка, вып. 14. Иркутск, 1958.

[СККДР] – Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1993.

Реконструкция значения старорус. *пестарь*

(о возможностях этимологии в толковании лексики из исторических памятников)

Васильева Идалия Вячеславовна

Аспирантка Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Москва, Российская Федерация

Определение значений слов, вышедших из употребления, – одна из самых трудных задач исторической лексикологии. Иногда в словарях можно встретить толкования значений с вопросительным знаком: в таком случае составители словаря сами не были уверены в предложенном ими варианте. Этимологические изыскания могут помочь приблизиться к пониманию мотивации того или иного слова, задать вектор толкования. Этимологический анализ предполагает выявление словообразовательной модели слова, определение его принадлежности к какому-либо этимологическому гнезду и возможной мотивации для возникновения этой конкретной лексемы при сопоставлении с потенциальными гнездами. Правда, при этом нужно помнить, что реконструируемая мотивация не идентична лексическому значению слова и само лексическое значение определяется только по контексту, а не из морфологической структуры слова.

Так, в «Словаре русского языка XI-XVII вв.» дефиниция слова *пестарь* (XVI в.) дана со знаком вопроса: ‘тот, кто перетаскивает соль в берестяных кузовах-пестерях (?), грузчик на солеварне (?)’ [Сл. XI-XVII: 22]. Однако, если принять за производящую основу существительное *пестерь*, трудно предложить правдоподобную словообразовательную модель (аблаут?). По всей видимости, это толкование основано на паронимической аттракции со словом *пестерь*, а последнее является «субстратным включением из финно-угорских языков» [Востриков: 23-24] и не разлагается на морфемы. Но в слове *пестарь* может быть выделен суффикс *-арь*, при допущении производящей основы *пест-*. Иллюстративный материал, приведенный в словарной статье, уточняет мотивацию определяемого слова: «Пѣстарям плачено за работу, что оне вѣсили монастырскую соль» (Кн. продажи соли Арх. Он., №603, 6. [Сл. XI-XVII: 22]). Значение ‘взвешивать’ есть в диал. влад., иван. *пѣстать* ‘определять вес, поднимая кого-, что-либо’ [СРНГ 26: 309]. Логично предположить, что существительное *пестарь* – производное от глагола *пѣстать* с суффиксом *-арь*, и его значение можно примерно реконструировать как ‘наемный работник, взвешивающий соль; весовщик’. Далее это слово входит в гнездо глагола **ръхати* (производность *пѣстать* от *пест* обосновала Ж. Ж. Варбот в своей работе [Варбот: 139]). В данном гнезде суффикс *-арь* продуктивен и возможно его присоединение к различным глагольным основам: пск. *пхарь* ‘рыбак, делающий проруби при подледном лове’ [СРНГ 33: 179], ильменск. *пѣхарь* ‘подсобный рабочий во время зимнего лова рыбы, который ломом пробивает проруби во льду’ [Фасмер: 253].

Таким образом, выработанные этимологией методы исследования лексики вносят существенный вклад в историческую лексикологию.

Литература

Варбот Ж. Ж. Об этимологии праслав. **pěstovati*, **pěstun* // *Slavia*, ročník 63. Praha, 1994. с. 135-139

- Востриков О. В. Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья // Этимологические исследования. Свердловск., 1981. с. 3-45 [Сл. XI-XVII] – Словарь русского языка XI-XVII веков/ Гл. ред. Г. А. Богатова. Вып. 15. М., 1989.
- [СРНГ] – Словарь русских народных говоров/ Под ред. Ф.П. Филина (вып. 1–23), Ф.П. Сороколетова (вып. 24–40). Л.=СПб., 1966–2006
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка/ перевод с немецкого и дополнения О.Н.Трубачева: В 4 т. Т.3. М., 2004.

**Употребление союзов *оже*, *аже*, *яко* и *како* в косвенной речи
(на материале древнерусских летописей XII-XIII вв.)**

Власова Екатерина Александровна

Аспирантка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

В грамматических описаниях древнерусского языка традиционно отмечается разнообразие изъяснительных союзов, встречающихся в письменных памятниках [Борковский, Кузнецов 1965:480-482]. При этом не учитываются частотность и прочие факторы, влияющие на дистрибуцию союзов. Цель данной работы – сопоставить употребление изъяснительных союзов в древнерусских летописях XII-XIII вв. – Суздальской (СЛ), Новгородской Первой (НЛ), Киевской (КЛ) и Галицко-Волынской (ГВЛ). Галицкая (ГЛ) и Волынская летописи (ВЛ) в данной работе рассматриваются отдельно.

Исследуемые памятники неоднородны с точки зрения книжности. Так, КЛ, ВЛ и НЛ содержат много черт некнижного языка (ср. например [Зализняк 2008:84] о КЛ). Летописная манера СЛ несколько более книжная, ещё в большей степени это относится к ГЛ.

Косвенная речь понимается здесь в широком смысле (термин [Падучева 1996:340]), т.е. как сложноподчиненное предложение, выражающее установку на чужую точку зрения при опорных предикатах ментально-перцептивной семантики – слышать, видеть, считать и т.д., в т.ч. глаголы речи.

Исследование показало, что наиболее частотными и общими для всех исследуемых памятников являются союзы *оже* и *яко*, в редких случаях встречаются *аже* и *како* (см. об этом также [Шевелева 2009:145-150]). Ниже в таблице представлены статистические данные.

	СЛ	НЛ	КЛ	ГЛ	ВЛ
оже	40	7	134	1	34
яко	27	20	14	55	3
аже	4	3	20	-	-
како	4	2	4	1	5

Кроме того, в употреблении рассматриваемых союзов выявляются различия, которые могут носить как регистровый, так и диалектный характер.

I Частотные союзы *оже* и *яко*. В зависимости от того, который из них преобладает в косвенной речи, можно выделить 3 группы летописей:

- 1) В КЛ, СЛ и ВЛ решительно преобладает союз *оже*, см. типичные примеры:
(1) бы^с же в^сть къ Ксн^тткови моужю Ст^сославлю ^сже Двд^свича доумаета яти бра^т своего Ст^сослава (КЛ, 1146, л. 121);
(2) бы^с имь в^сть ^сже вышель из Р^сзан^с Романъ Игоревичъ с полко^м и бьеть^с с лодейники оу ^слгова (СЛ, 1207, л.146 об.);
(3) Володим^сръ же ^с томъ похвали Ба^с а Мьстислава пов^сдаша ^сже пошель с Телебоугою на Львовъ (ВЛ, 1287, л. 298).

Союз **яко**, традиционно считающийся характерной приметой церковнославянского синтаксиса [Борковский, Кузнецов 1965:483], в летописях этой группы встречается исключительно в книжных контекстах, например:

(4) мы бо в□мы мл^{с□}рдѣ ярополче яко не радуєтс□ кровипролитью но Ба□ ради всхощеть мира (СЛ, 1138, л. 101 об.).

2) В НЛ ситуация другая: встречаются оба союза, но преобладает **яко**, который в большинстве случаев употребляется в нейтральных с точки зрения книжности контекстах:

(5) приде бо в□сть в Новъгородъ, яко Св□и идуць къ Ладоз□ (НЛ, 1240, л. 126 об.);

Таким образом, данные НЛ подтверждают предположение, высказанное А.А. Зализняком [Зализняк 2004: 393,252]: «этот союз [яко] в какой-то части древненовгородских говоров существовал».

3) В книжной ГЛ независимо от типа контекста решительно преобладает союз **яко**, причем, в отличие от НЛ, союз **оже** здесь почти не встречается. Вероятнее всего, частотность **яко** в ГЛ является особенностью летописной манеры, где **яко** выступает как черта книжного синтаксиса, ср. пример:

(6) Даниль видивъ яко кр□пц□иши брань належить в ратны^{x□} стр□льц□мъ ихъ (ГЛ, 1229, л. 253).

II Союз **аже** в изъяснительном значении встречается только в СЛ, КЛ и НЛ и ни разу не отмечен в ГВЛ – памятнике ЮЗ Руси. По летописям прослеживается следующая хронология: в КЛ **аже** появляется со второй половины XII в, в СЛ – с начала XIII в, в НЛ – со второй половины XIII в. Пример:

(7) Слышав же Галичане с Романовичема аже идеть рать на н□ силна □всюду (СЛ, 1206, л. 144).

Таким образом, по данным ранних памятников устанавливается, что «очагом» распространения изъяснительного союза **аже** является киевская традиция – в КЛ он появляется раньше и чаще всего (см. таблицу выше), в то время как в других летописях он встречается спорадически или вовсе не зафиксирован.

III **Како** отличается от прочих изъяснительных союзов: во всех ранних летописях отмечен в единичном употреблении и по значению близок к современному наречию ‘как, каким образом’:

(8) а ты буди намъ помощни а все ти скажють твои мужи и братъ твои Мъстиславъ како ны Бъ□ помогль и пакы како с□ но на^{с□} яла Руская земл□ вс□ и Чернии Клобуци (КЛ, 1151, л. 152 об.).

Таким образом, исследование показало, что употребление изъяснительных союзов различает разные летописные традиции:

1) Киевская и северо-восточная традиции (КЛ и СЛ): преобладающим союзом косвенной речи является **оже**, **яко** встречается только в книжных контекстах, спорадически встречается **аже**;

2) Новгородская традиция (НЛ): независимо от регистровых характеристик преобладает **яко**, **оже** и **аже** встречаются заметно реже;

3) Юго-западная традиция (ГВЛ): в ВЛ преобладает **оже**, **яко** встречается только в книжных контекстах, как в КЛ и СЛ. В книжной ГЛ решительно преобладает **яко**.

Литература

Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 2004

Зализняк А.А. Древнерусские энклитики. М., 2008

Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка: Морфология. М., 1965

Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М., 1996

Шевелева М.Н. Согласование времен» в языке древнерусских летописей (к вопросу о формировании относительного употребления времен и косвенной речи в русском языке)
// Рус.яз. в науч.освещении. 2009. № 2 (18), С. 144-174

Нарративный имперфект в ранних древнерусских памятниках и былинная традиция

Гашнева Мария Валерьевна

Аспирантка Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

Известно, что одной из ярких особенностей былинного нарратива является употребление форм несовершенного вида (далее – НСВ) в значении «целостного действия», «ограниченного пределом» (в терминологии А. В. Бондарко и Ю. С. Маслова) и продвигающего повествование, т. е. в значении, характерном для форм совершенного вида и не свойственном НСВ. Например:

Выпрягал кобылку он солову,

Клал сошку на ноженку,

Липнул сошку далеко в край.

Садился на кобылку на солову,

Поехал Викула Селягин сын (Онежские былины).

Как отмечают исследователи, в восточнославянских памятниках в аналогичной функции употребляется и форма имперфекта. Так, по наблюдениям М. Н. Шевелевой, в церковнославянских житийных текстах формы имперфекта может обозначать цепь последовательных, завершённых действий [Шевелева: 42], а П. В. Петрухин отмечает, что подобное употребление имперфекта характерно и для летописного нарратива [Петрухин: 223 – 224].

Анализ текстов летописей XIV – XV вв. (московской Никоновской за XIV – XV вв. и севернорусской Холмогорской летописи) позволил не только подтвердить связь между особым употреблением л-формы НСВ, которое мы обнаруживаем в былинных текстах, и аналогичной функцией имперфекта, но и проследить хронологию постепенного сокращения употребления в летописном нарративе форм аориста и имперфекта и всё большего распространения форм на -л, к которым переходят все функции простых претеритов, в том числе и указанная функция имперфекта. Так, до XV в. в обеих летописях интересующее нас значение выражается практически только формами имперфекта, тогда как со второй половины XV в. это же значение в подавляющем большинстве случаев выражается уже л-формами НСВ, а формы имперфекта представлены единичными примерами во вставных эпизодах книжного характера [Гашнева 2009].

В связи с этим представляется интересным расширить хронологические рамки исследования и сопоставить употребление имперфекта в указанной функции в былинах и поздних летописях с текстами более раннего периода. Исследованы Новгородская I летопись старшего извода, Киевская и Галицко-Волынская летописи по Ипатьевскому списку, Слово о полку Игореве и Житие Феодосия Печерского.

По сравнению с более поздними источниками ранние содержат меньше показательного материала, однако случаи интересующего нас употребления имперфекта все-таки есть. Рассмотрим некоторые показательные примеры.

*Утрии же день выступи Изяславъ изъ Владимира, и оттуда поиде къ Луческу, и ту пребы три дни; и ту **пасаши** Болеславъ сыны боярскы мечемъ многи (КЛ, 1149 г.) – На следующий же день Изяслав выступил из Владимира, и оттуда отправился к Луческу, там пробыл три дня; и там **опоясал** (букв.: *опоясывал*) мечом Болеслав многих боярских сыновей.*

*Послана бо быста прежде два посла во Ятвязѣ увѣдать о братѣ, Татаромъ же приѣхавшимъ во Ятвязѣ, ята быста посла, и **прашаши** «гдѣ есть Данило?» она же отвѣцаста: «въ Мѣлници есть» (ГВЛ, 1260 г.).* Важно, что вторая реплика вводится формой аориста, т.е. перед нами последовательные действия.

Показательны и диалоги из Жития Феодосия Печерского, где две реплики подряд обозначены формами имперфекта, а остальные – формами аориста: *Таче пакы христолюбыць възвѣщая ему, да увѣсть, кто есть. И глаголаше: «Се бо азъ есмь, и мнѣ отъврѣзи врата единому». Онъ же, не вѣдый, яко князь есть, отъвѣщаваше ему сице: «Рѣхъ ти, яко повелѣно ми есть отъ игумена, яко аще и князь приидеть, не отъврѣзи вратъ <...>». Онъ же отъвѣща, яко «Азъ есмь князь, то или мнѣ не отъврѣзеши».*

Наконец, и в «Слове о полку Игореве» встретился контекст, содержащий интересующее нас употребление имперфекта, причем он замечателен тем, что демонстрирует полное функциональное соответствие имперфекта былинному НСВ, отражая тем самым преемственность древней нарративной традиции от XII в. до позднейших записей эпических текстов: *А Святъславъ мутень сонъ видѣ въ Киевѣ на горахъ: «Си ночь съ вечера одѣвахъ<у>тѣ мя, рече, чръною наполюмоу, на кровати тисовѣ; чръпахуть ми синее вино съ трудомъ смѣшено; сыпахуть ми тѣщими тулы поганыхъ тльковинъ великый женчюгъ на лоно; и нѣгуютъ мя; уже дьскы безъ кнѣса в моемъ теремѣ златовръсѣмъ <...>».*

Ср. в былинах:

А ѿ проводили-то Добрыню во больше место <...>

А за тыи ли за питья за медвяныи.

Наливали ему чару зелена вина,

Наливали-то вторую пива пьянаго,

Наливали ему третью меду сладкого <...>.

А и принимал Добрыня единой рукой,

Выпивает-то Добрыня на единый дух (Онежские былины).

Таким образом, несмотря на то что в памятниках раннего периода примеры употребления имперфекта в значении единичного законченного действия, продвигающего повествование, немногочисленны, сам факт его наличия, во-первых, подтверждает предположение о том, что указанная функция имперфекта действительно имеет очень древнее происхождение, и, во-вторых, существенно расширяет хронологические рамки бытования былинной нарративной традиции, поскольку л-формы НСВ в значении однократного законченного действия могут рассматриваться как повествовательные формы некнижного нарратива, аналогичные по функции форме имперфекта в церковнославянских и древнерусских памятниках самого раннего периода.

Литература

Гашнева М. В. Имперфект и л-формы несовершенного вида в летописях XIV – XV вв. // Материалы XVI Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Секция «Филология». – М.: 2009. С. 146-147.

Петрухин П. В. Syntaxis verbi. Консекутивный имперфект в ранних восточнославянских летописях // Русский язык в научном освещении. М., 2001. №1. С. 223 – 224.

Шевелева М. Н. Состояние грамматической нормы употребления видо-временных форм глагола в книжно-литературном языке Северо-Восточной и Северо-Западной Руси XV-XVI в. Дисс....канд. филол. наук. М., 1986.

**Формы род. и мест. падежей сущ. муж. рода ед. ч. на –у
в Строевском списке Псковской 3-ей летописи**

Горбовская Елизавета Николаевна

Студентка Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова,
Москва, Россия

Исконно окончание –у в М. и Р. падежах сущ. муж. рода ед. ч. было характерно только для слов *й*-склонения, однако еще в раннепраславянскую эпоху начался процесс взаимодействия *й*- и *ѡ*-склонений, в результате которого это окончание стало употребляться и у сущ. муж. рода, исконно относившихся к *ѡ*-склонению [Шахматов: 240].

Исследование Строевского списка Псковской 3-ей летописи (далее Строев.), представляющего собой оригинал летописного свода 1567 г. и широко отражающего псковские диалектные особенности, позволило установить некоторые закономерности, определяющие выбор окончания –у в указанных формах в псковском диалекте XIV-XVI вв.

Необходимо указать, что принципы распределения окончаний в М. и Р. практически идентичны. Окончание –у в этих формах зачастую имеют одни и те же существительные (миръ, Кромъ, полонъ, кърмъ и т. д.), так что процессы распространения его в обоих падежах, по-видимому, шли параллельно.

Как правило, существительные в Строев. принимают окончание –у, только если они исконно принадлежат к твердому типу склонения. Все они обозначают «неживые» предметы и относятся к определенным семантическим разрядам: названиям местностей (например, боръ, Витьбскъ), событий (пожаръ, громъ), абстрактных понятий (миръ, годъ), конкретным (кругъ, мость), вещественным (пепель, горохъ), собирательным (товаръ, полонъ) сущ.. Как видно из примеров, исчисляемые сущ. тоже могли иметь формы на –у.

Определенное значение имеют также следующие морфонологические характеристики сущ. 1) Слова с односложной основой чаще употребляются с –у. 2) Среди сущ., зафиксированных с окончанием –у, большая часть относится к акцентным парадигмам *b* (полонъ, Търгъ и др.) и *c*, часть к а. п. *a*, хотя по данным других источников слова а. п. *b* с исконными основами на *ѡ* в Р. обычно окончания –у не принимают [Зализняк 2004: 107-108]. Такое отклонение в псковском диалекте может быть связано с дефинализацией ударения в *ѡ*-склонении, при которой происходила «фонетическая ретракция ударения с конечного открытого слога» [Зализняк 1985: 182].

У части сущ. употребление окончания –у можно объяснить принадлежностью их к исконным *й*-основам (медь, полъ, Търгъ, даръ и др.).

Выбор окончания может быть обусловлен синтаксической функцией падежной формы.

Так, в М. формы на –у чаще имеют значение пространственно-временной локализации: И зѣлье было в Кромѹ в погребѹх (1562, л. 227 об.), однако возможны и в изъяснительном значении: и всѣм бысть радосно о миру (1465, л. 115).

В Р. окончание –у используется, если форма имеет значение исходно-достигаемое (Р. с предлогом - Приехалше великий князь Юрьѹ во Псковъ с Низу (1323, л. 13 об.)), определительное (сдѣлаша великаа врата... конец мостѹ Запсковьского (1469, л. 123 об.)), субъекта (милостию божиею и стояниемъ ‘заступление’ домоу святаго Троица), объекта (глагольное управление - послаше псковичи послы у Великий Новгород миру иматъ (1434, л. 73)), собственно Р. падежа (прикомпаративное употребление - а сидели в Новѣгородѣ болши полоу года в порубѣ (1470, л. 126)), партитивное (и полоноу много вывели (1558, л. 217 об.)).

Определенную роль в распределении окончаний играют и регистровые различия. В книжных фрагментах текста вероятность появления формы с окончанием –ѣ или -а выше, ср.: Яко же свѣтыи Кириль ... в послании, еже посла къ Иоанну антиохискому послание *о мирѣ*, глаголет... (1471, л. 138) - къ царю ... король свѣиской ... прислал послов своих бити челом *о мироу* (1556, л. 216 об.).

Среди иных факторов, влияющих на выбор того или другого окончания, можно назвать использование слова в определенном значении, а также употребление его в составе устойчивой формулы. Ср.: Заложиша церковь святоую Троицоу, и даше мастеромъ дѣлу мзды 400 рублиев *дара* (1365, л. 35 об.) - а псковичи послаша *дару* князю великому 50 рублевъ (1464, л. 111). В первом примере находим формулу дати (кому-то) мзды *X* рублевъ *дара*, во втором – формулу дати (кому-то) *X* рублевъ *дару*. При этом в первом случае лексическое значение слова даръ – ‘плата за сделанную работу’, которая обычно выдавалась мастерам (плотникам и т. п.), во втором – ‘подать’, которая выплачивалась князю.

Иногда окончание –а в форме Р. и –ѣ в форме М. объясняется непсковским происхождением известия, например: и на ночь Москва загорѣся, и много голов||погорѣ ... и *живота* и *товароу* много погорѣ, числа нѣт (1446, л. 82 - 82 об.) – здесь рассказывается о пожаре в Москве, поэтому можно предположить, что это известие заимствовано из источника, отражающего узус, отличный от псковского. Ср.: и много *животоу* пограбиша (1460, л. 93 об. - 94), где речь идет о местных событиях (походе на немцев).

Однако во многих случаях установить, чем определяется выбор окончания Р. и М., представляется затруднительным. Ср., например: а было всѣх нашихъ в *городкѣ* том 140 человекъ (1559, л. 220) - а Немци не рядя того, что псковская сила в *городкоу*... (1463, л. 102 об.). В таких контекстах, как кажется, представлено свободное варьирование окончаний -у/ –ѣ и –у/-а.

Итак, окончание –у, по данным Строев., достаточно часто использовалось в формах М. и Р. в живом псковском диалекте XIV – XVI вв., причем его употребление определялось закономерностями, действующими на разных уровнях языка. Однако почти все выявленные закономерности (кроме связанных с принадлежностью к твердому типу склонения и семантикой «неживого» предмета) имеют характер тенденций, не всегда последовательно реализующихся.

Литература

Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004.

Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка. М., 1957.

Место связки перфекта в системе энклитик во втором южнославянском переводе Жития Василия Нового

Громова Мария Михайловна

*Студентка Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия*

Второй южнославянский перевод Жития Василия Нового (далее – ЖВН) сделан во второй пол. XIII – XIV вв. и известен в болгарских и сербских списках XIV-XV вв. В XIV в. перешел в Россию, где распространился в большом количестве списков, составивших т. н. вторую русскую редакцию [Вилинский 1913: 232; 263]. Несмотря на то, что протограф принадлежал среднеболгарскому изводу [Там же: 231-232], возможно, перевод выполнен не в Болгарии, а на Афоне [Громова: 181].

В данной работе будет рассмотрено положение глагола-связки перфекта по отношению к л-причастию и местоименным энклитикам.

Перфект в тексте второго южнославянского перевода ЖВН употреблен 62 раза. Форм 1Sg – 2, 2Sg – 42, 3Sg – 18; других форм не зафиксировано. Наиболее частотна для глагола-связки контактная постпозиция к л-причастию, свойственная переводным старославянским текстам (а позже и церковнославянским текстам русского извода), ориентированным на пословный перевод, при котором перфект воспринимается как цельная единица с фиксированным положением связки [Зализняк: 234-236].

Всего в трех случаях из 62 положение связки в перфекте соответствует закону Ваккернагеля (и, в частности, современным правилам расстановки энклитик в болгарском языке): глагол-связка в составе блока энклитик находится на втором месте в синтагме, в контактной препозиции к л-причастию (славянские примеры даны в упрощенной орфографии; знаком «//» отмечен ритмико-синтаксический барьер [Там же: 47-49]): *τάδε τά ἀμαρτήματα τίς εἰργάσατο ἀπό νεότητος* *сие же грѣхы // кто и(х) есть створилъ отъ юности*; ...*αὕτη ἐμοί ἐπὶ πολὺ διηκόνησεν ἀναπαύσασά μου τὸ γῆρας* *сия душа // много ми е(с) послужила покоеци старость мою*; *λέγω οὖν πρὸς αὐτήν· δεόμαί σου, κυρία μου, δίδαξόν με, τίς ἐστὶν ὁ φυτεύσας τοῦτον τὸν παράδεισον*; *рѣхъ оубо азъ рѣци ми // кто е(с) насадилъ оградъ съь* (в последнем случае следует говорить о дословно переведенном с греческого составном именном сказуемом – букв. «кто есть (тот), (который) посадил этот сад?», «кто является посадившим этот сад?»).

В вопросительных предложениях с частицей *не* возможны два варианта. При сохранении порядка слов греческой фразы (вне зависимости от того, относится ли вопрос к сказуемому) связка находится в постпозиции к л-причастию: *ἡλαοὶ οὐβο* *явѣ кто е(с) сыи. како не явилъ еси намъ въ законѣ о немъ πῶς οὐ προεδήλωσας ἡμῖν περὶ τούτου ἐν τῷ νόμῳ...*; *не сия ли и бол'ша и множашиа сыхъ въ сию ноцъ видѣль еси οὐχὶ ταῦτα πάντα τῇ νυκτὶ ταύτῃ ἐώρακας*; *не ти ли далъ еси намъ закона οὐκ αὐτὸς δέδωκας ἡμῖν τὸν νόμον.*

Также частица *не* и глагол-связка могут образовывать полноударную проклитико-энклитическую группу, как в современных сербском и болгарском языках (серб. *ниси, није*; болг. *не си, не е*). При этом частица *ли*, являющаяся в этих языках энклитикой первого ранга, помещается в конец группы: *нѣси ли испила селико чашъ вына*; *нѣси ли видѣль ѳеодороу*. Такой порядок, несомненно, отражает явления живой речи. Интересно, что возвратная частица при этом стоит в постпозиции к л-причастию: *нѣси ли обѣщаласе*.

В предложении с отрицанием, порядок слов в котором не определяется вопросом, по спискам наблюдаются оба варианта – пословный перевод (включающий и личное местоимение, избыточное при наличии связки): *николиже ти прѣжде приходиль еси семо* (список *Sin*), и перевод, следующий нормам устной речи *ти иногда неси приходиль стѣмо* (списки *Π, а, с, η*) *οὐδαμῶς σὺ ἐν ἄλλοτε ἐλήλυθας ᾧδε*.

Основой порядка энклитик, общей для болгарского и сербского языков, является последовательность «глагол-связка (кроме 3Sg); местоим. энклитика Dat; местоим. энклитика Acc; возвратная частица; глагол-связка 3Sg».

В тексте второго ю-сл. перевода ЖВН есть только один контекст, позволяющий определить взаимное расположение местоим. энклитики Dat и возвратной частицы: *приимѣта нынѣ оубо се. еже мнѣше ми се бы(т) /н – беше/ злато чисто въ оузолъ въ мѣшици /н – вмѣстиши/ δέξασθε δὲ ἐν τῷ τέως ταῦτα, ἅτινα ὡς ἐδόκει μοι ὑπῆρχον χρυσίον καθαροῦ ἀπόδεσμος ἰκανὸς ἐν βαλαντίῳ ἐναποκείμενος*.

Положение местоим. энклитик относительно связки перфекта не может быть соотнесено с текстом оригинала, так как переведенные перфектом глагольные формы в греческом языке однословны.

Форма 3Sg перфекта следует за местоим. энклитиками, что соответствует и сербскому, и болгарскому порядку энклитик: *сия душа много ми e(c) послужила; и дароваль ми e(c) благостиню; яко прогналь я e(c) господь отъ себе и расточиль е e(c) въ вьселеньскихъ концехъ; избавыл те e(c) господь; оставила се e(c) на многа лѣта; яко оставила се e(c).*

Положение глагола-связки 2Sg в составе перфекта по отношению к местоим. энклитике противоречит современному их порядку в болгарском и сербском языках: *отъ соуетнаго мира избавльсе /а – избавиль ся еси/; колика зла показаль ми еси на поуту; великоу благость творил ме еси; яко отнелиже молил ме еси; о неуже много молил ме еси оувѣдѣти; яко попеколь се еси.*

Таким образом, в исследуемом тексте энклитические группы, содержащие глагол-связку и местоименную энклитику, построены по следующей схеме: местоим. энклитика Dat; местоим. энклитика Acc / возвратная частица; глагол-связка.

Данный порядок энклитик, невозможный ни в одном из современных южнославянских языков, по всей видимости, является искусственным и основан не на реальном употреблении системы энклитик в речи переводчика или переписчиков, а на их отвлеченных представлениях о нормах книжного текста.

Литература

Вилинский С. Г. Житие св. Василия Нового в русской литературе. Ч. 1. Исследование. Одесса, 1913. Ч. 2. Тексты. Одесса, 1911.

Громова М. М. Перевод инфинитивных конструкций во второй южнославянской редакции Жития Василия Нового // Материалы XVII Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Секция «Филология». М., 2010. С. 179-182.

Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. М., 2008.

Палеографическое описание рукописи XVII века

Демкина Элина Валерьевна

Студентка Национального исследовательского университета имени Н.П.Огарева,
Саранск, Россия

Комплексное, многоаспектное изучение древне- и старорусских славяно-книжных текстов является одной из главных задач современной палеорусистики. Тем не менее большая часть рукописных книг XI – XVII вв. остается до настоящего времени неисследованной.

В фондах Мордовского краеведческого музея хранится манускрипт XVII века, включающий в себя следующие составные части: апокрифические Страсти Иисуса Христа, Мучения святых Кирика и Иулиты (память 15 (28 по нов. стилю) июля), окончание Сказания о пустынноике, Сказание о черноризце Мартирии, иллюстрации к притче о богаче и Лазаре (Лк 16: 19 - 31), Сказание о преподобном Авраамии мнихе.

Манускрипт уникален своими иллюстрациями. Миниатюры реалистичны; лица, складки одежды, здания, растения хорошо прорисованы. На заднем плане обычно изображаются здания, составленные из точных геометрических фигур, преобладают прямые линии и ровные полуокружности. На переднем плане действующие лица; во многих случаях выражения их лиц передано точно и жизненно. Миниатюры выполнены в трех красках: желтой, зеленой и красной в простых, основных тонах, четвертая краска – чернила – заполняет контуры и глубины.

Рукопись не описывалась, не изучалась, не введена в научный оборот. Мы поставили задачу выполнить ее палеографическое описание.

Манускрипт представляет собой книгу из 147 листов форматом в пол-листа (33x22). Переплет состоит из двух тонких досок, обтянутых темно-коричневой кожей. На корешке памятника 5 валиков. Эта примета позволяет отнести переплет к XVII веку. На этот же период указывает то, что доски выступают за книжный обрез. На лицевой доске имеется тиснение геометрического рисунка (прямоугольная рамка из параллельных и пересекающихся линий; в центре – розетка в виде ромбика с точками). Такой рисунок тиснения также характерен для XVII века.

Рукопись сильно повреждена, особенно первые и последние листы, на которых видны разводы от влаги, следы плесени и ходы жучков. Первый лист наклеен на переплет. Таким образом, рукопись начинается с оборота первого листа. Текст возле переплета в нижней части книги частично утрачен. Имеются следы дилетантской реставрации.

Количество переплетенных тетрадей восстановить трудно. Нумерация текста по листам. Первые 88 листов пронумерованы буквенными обозначениями чисел, с 89 по 114 лист – арабскими цифрами, далее нумерация отсутствует из-за плохой сохранности рукописи.

Бумага двух видов: более ранняя – плотная, белая, местами пожелтевшая и потемневшая от загрязнений, без филиграней и дат; более поздняя – голубая, рыхлая, с филигранью «Pro Patria», которая наиболее хорошо видна на листе номер три.

На голубой бумаге можно обнаружить дату изготовления – 1817 год (отчетливо видна на листе 20), литеры «64» или «ВУ», а на последнем листе – «ЛВ». Предположительно, это инициалы владельца бумажной мануфактуры или сокращенное название самой мануфактуры.

Хорошо сохранившиеся листы написаны на бумаге первого типа. Поврежденные листы в начале книги и вторая часть рукописи наклеены на голубую бумагу с филигранями.

На полной странице размещается примерно 20 строк. Текст выделен рамками с легким орнаментом; в верхней части рамки – название главы; в нижней, в центре или справа – номер листа. Отмечены зауженные книзу концовки и черно-белые инициалы во всю страницу, включающие растительные мотивы, заставки в стиле черно-белого барокко.

Чернила коричневые разных оттенков, от почти черного до светло-коричневого от разбавления водой.

Рукопись написана полууставом пятью различными почерками.

Сохранены знаки ударения и другие надстрочные знаки, титла и выносные буквы. Из знаков препинания отмечены немногочисленные запятые. Текст разделен на слова. Предлоги и союзы пишутся слитно с полнозначными словами.

После листа 19 вклеены два голубых листа: чистый с наклеенной на обороте миниатюрой и лист с надписью XIX века: «Сия Святая богодохновенная книга Страсти Господа нашего преумная и преполезная». Если повернуть книгу, на этом же листе можно прочесть еще одну надпись: «Святая воистину человеку на спасение душе». Обрат лист тоже иллюстрирован. После листа 70 вклеен еще один голубой лист с двумя надписями того же почерка: «Государь мой Яковъ Алексеевичь прошу у тебя подари ты мне пера(шка)...неочинь...толсто поздорова была бы как можно».

Вторая надпись: «Милостивый государь мой Пантелей Леонтьевичь а у тебя прошу малое число ... (вую) расхожей для обложения книги...сиречь...кожи». За листом 105 вклеен чистый лист с надписью «Милостивый государь мой Дмитрий...», на обороте написано слово «Указ». На обороте 148, последнего, листа – угасшая надпись «Сия книга глаголемая...», неразличимая далее из-за пятен плесени.

Определить, является ли данная рукопись конволютом или сборником смешанного состава, достаточно затруднительно. Рукопись написана пятью различными почерками, значит, её составляли пять писцов. Первый почерк более поздний,

использован для реконструкции основного текста. В манускрипте присутствует лишь окончание одной из глав апокрифа «Страсти Иисуса Христа» и окончание Сказания о пустынноике. Поэтому можно назвать этот памятник конволютом. Но в то же время практически весь текст (за исключением первых трех листов и подклеек) написан на бумаге одного вида. Следовательно, время создания всех частей примерно совпадает. Все тексты памятника близки по своей тематике. Это тексты церковного содержания. Номера страниц не повторяются. Можно предположить, что памятник изначально задумывался как целостная книга, поэтому мы склоняемся к мнению, что рукопись является сборником смешанного состава.

Перспективы изучения данного рукописного памятника XVII века мы видим в комплексном многоаспектном описании графико-орфографических, морфологических, синтаксических особенностей и текстовой организации составляющих его частей.

О семантике древнерусских слов, обозначающих умственную деятельность человека

Золото Анастасия Сергеевна

*Студентка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия*

Доклад посвящён описанию значения некоторых слов, входящих в семантическое гнездо «умственная деятельность человека», и сопоставлению (где это возможно) полученных результатов с СРЯ на материале Лаврентьевской [Лавр.] и Ипатьевской [Ипат.] летописей, Киево-Печерского патерика [КПП], Успенского сборника [УС].

1) *Думати* – *сдумати*.

Современное значение ‘полагать, считать, предполагать’ [МАС] закрепилось за глаголом *думати* сравнительно поздно и в исследованных памятниках не встретилось. У данного глагола было зафиксировано два значения.

Во-первых, *думати* может употребляться для описания мыслительной деятельности нескольких или одного человека в присутствии нескольких лиц: *думать* можно с кем-то о чём-то. Значение глагола здесь близко современному ‘совещаться’: **и съзва бра(ть)ю свою и нача думати с ними река имь..** [Ипат., 1170г., л.192]. *Думать* в этом значении может употребляться в сочетании с сущ. *дума* в форме ВИН (так называемый аккумулятив внутреннего содержания). *Думать думу* – устойчивое выражение для языка изучаемого периода.

Во-вторых, *думати* может передавать значение ‘замышлять что-л. плохое’. Способов выражения этого значения в исследуемых памятниках встретилось три: *думати* на кого-то (**Стополк же прогна Двда нача думати на Володар □ и на Василка** [Лавр., 1097г., л.90об.]), *думати* о ком-то / о чём-то и *думати* в сочетании с инфинитивом (**Бы(с) же вѣсть къ ... Стославию вже Двдвича доумаета яти бра(т) Стослава...**[Ипат., 1146г., л.121]).

В оппозиции *думати* – *сдумати* первый глагол по своей семантике соответствует семантике глаголов НСВ, обозначая процесс. Результат процесса, названного глаголом *думати*, обозначает не сохранившийся в СРЯ *сдумати*, семантика которого соответствует глаголам СВ: **..и всобѣ думажу в Д(в)дѣ и сдумавше послаша къ Д(в)двѣ мужи свои** [Ипат., 1099г., л.94].

2) *Мысль*.

Данное существительное было зафиксировано в двух значениях.

Во-первых, как и в СРЯ, *мысль* в изучаемых памятниках может обозначать результат мыслительной деятельности. Как и в СРЯ, *мысль* осмысливается как некий объект, который можно создать и затем вложить в человека (в памятниках в роли создателей *мысли* часто выступают высшие силы: бесы, дьявол, с одной стороны, и Бог, с другой стороны): **вложи Богъ мысль добру в русьскыѣ кн □зи оумыслиша**

дерзнути на Половцѣ и поити в землю ихъ [Лавр.: 1102г., л.93]. Как и в СРЯ, она может мыслиться как приходящая к субъекту мыслительной деятельности: **да приходѣщая таковыя мысли възбранѣти знаменѣм кр(с)тнымъ** [Лавр.: 1079г., л.62]. Тот, кому передаётся *мысль*, улавливает её. То есть *мысль* концептуализируется как нематериальный объект, способный быть отчуждаемым от субъекта.

Во-вторых, в древнерусском, в отличие от СРЯ, существительное *мысль* может выражать значение, близкое современному 'намерение'. Однако, в отличие от современного намерения, древнерусская мысль более «активна» - она сбывается, воплощается сама, она более независима от своего субъекта: **и посла Блудъ къ Володимеру глаголѣ яко събысѣ мысль твоя яко приведу Ярополка к тебѣ и пристрой убити и** [Ипат.: 980г., л.30об.].

Специфической фраземой для языка изучаемого периода является фразама **высокаѣ мысль**, т.е. 'гордость, надменность' [Срезневский: 216-217].

3) *Мудрость*.

В значении слова *мудрость* в СРЯ в сопоставлении с древнерусским не произошло значительных изменений. В памятниках *мудрость* выступает в значениях: 1) 'житейская мудрость'; 2) 'совокупность знаний, опыта'. Ср, с одной стороны, **Даниль же мудростью рѣчь створи яко срамоту имѣешь отъ Литвы и отъ всихъ земель** [Ипат.: 1253г., л.274об.] и, с другой стороны, **...онъ же мудростью и крѣпостью удержа Бакоту** [Ипат.: 1241г., л.266об.]. Данное существительное часто встречается в сочетании «книжная мудрость». Книжная *мудрость* является своеобразным связующим звеном между Богом и человеком и рассматривается в памятниках как некий христианский идеал, к которому следует стремиться: **аще бо поищещи въ книгахъ мудрости прилѣжно то вѣрѣши велику ползу души своеи иже бо книги часто чтець то бесѣдуеть с Богомъ** [Лавр.: 1037г., л.51об.].

4) *Ум*.

Новое переносное значения существительного *ум* – человек с высокими умственными способностями - в памятниках не встретилось. Зато, в отличие от СРЯ, где *ум* преимущественно обозначает орган мышления, в исследованных текстах он может указывать и на орган зрения (**Костѣнтинъ же стоя на заборолѣхъ города усмотри умомъ разумъ поданы ему отъ Василка** [Ипат.: 1261г., л.284]), и на место, где сосредоточены человеческие эмоции: **и ужасеся въ умѣ и трепеть си вѣста** [УС: 44г31-32 – 45г1]; кроме того, *ум* употребляется в значениях, близких современным 'воображение' и 'душа': **и съ слезами помолися въ умѣ своемъ** [УС: 44г31-32–45г1]. Специфическим для языка изучаемого периода является также выражение «прость *умомъ*», характеризующее того, кто не искущён в книжных знаниях, не обучен риторическим приёмам, не умеет понять скрытых намерений собеседника и т.п.

Итак, в значении и функционировании рассмотренных слов из семантического гнезда «умственная деятельность человека» произошли изменения. Некоторые слова (*сдумати*), а также отдельные значения слов ('замышлять что-л. плохое' у *думати*, 'намерение' у *мысль*) исчезли из языка, вместе с тем появились и новые значения у «старых» слов ('человек с высокими умственными способностями' у *ум*).

Литература

Киево-Печерский патерик // <http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4945>

Летопись по Ипатьевскому списку //

<http://imwerden.de/cat/modules.php?name=books&pa=showbook&pid=1765>

Летопись по Лаврентьевскому списку // <http://krotov.info/acts/12/pvl/lavr.htm>

[МАС] - Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. // <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/0encyc.htm>

Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: В 3 т. М., 1989. Т.2.

Успенский сборник XII – XIII вв. // изд. подготовили О.А. Князевская, В.Г. Демьянов, М.В. Ляпон. М., 1971.

**О лексической системе
Толкового Евангелия от Луки Феофилакта Болгарского**

Индыченко Артем Андреевич

*Студент Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва,
Россия*

Исследование лексического состава Толкового Евангелия Феофилакта Болгарского представляет значительный интерес как в связи с вопросом о редакциях евангельского текста, так и в отношении формирования традиции славянских переводов эротопокритических произведений.

В первую очередь хотелось бы обратить внимание на особенности евангельского текста древнейшей редакции ТЕФБ от Луки (РГАДА, ф.181 №761; РНБ Пог.175,173). Судя по всему, в ТЕФБ представлена особая редакция евангельского текста, в значительной степени наследующая преславской редакции, но характеризующаяся значительным числом специфических чтений (заметим, что впервые преобладание «симеоновской» лексики в ТЕФБ отмечено И. Е. Евсеевым) [Богословские труды 1975, 225]. В евангельском тексте ТЕЛ представлено около половины лексем, характеризующихся как специфически преславские в [Славова, 1989]. Ряд преславских чтений объединяет ТЕФБ с Чудовским Новым Заветом, который связан с ТЕФБ и в других случаях: в частности, их объединяет некоторое количество специфических чтений (**глоухиѣ** для перевода \square $\kappa\omega\phi$ \square ς в Лк 11:14, **грамота** τ \square $\gamma\rho$ \square $\mu\alpha\tau\alpha$ в значении 'долговая расписка' в Лк 16:6–7 и др.), употребление настоящего исторического и перфекта без связки (в ТЕЛ случаи немногочисленны) и сходство при передаче греческих инфинитивных конструкций.

Во 2-й редакции ТЕЛ преславизмы последовательно исправляются (РГБ ф.310 №20, этот же текст – в ВМЧ, вплоть до Лк 20:9). Эта редакция в отношении евангельского текста ориентируется на афонскую редакцию новозаветного текста, которая, в свою очередь, нередко возвращается к кирилло-мефодиевским нормам. Значительной правке во 2-й редакции подвергаются и толкования. Помимо частичного устранения преславизмов (**лѣвыи**->**шуи**, **древодѣля**->**тектонь**, **завѣса**->**катапетазма**, **слочисѣя**->**приключисѣя** и др.), при довольно последовательном сохранении некоторых характерных (**жидь**, **сѣборь**-**сѣборище**, **плищь**, **плищевати**, **пастоухъ**, **подолькъ**, **попърище**), в тексте толкований нерегулярно заменяются некоторые воспринимающиеся редактором как древние и локально распространенные в церковнославянской письменности лексемы и формы, многие из которых, судя по всему, принадлежат архетипу перевода (ср. **отвернь**->**разно**, **порода**->**раи**, **рыбить**->**рыбарь**, **Уншее**->**благое**, **пщевати**->**непщевати**, **казати**->**оучити/образъ даяти**, **обърещи**->**обѣщати**, **оплазньство**->**дръзость**, **състоинѣ**->**извстно** **запинати**->**възбранити**, **досаждати**->**вскръбляти**, аорист для введения цитат **вѣща**->**рече**; с меньшей регулярностью **лѣпо**, **в лѣпотУ**->**достоить**, **подобаетъ**; **любо**->**аще**). В ряде случаев редакции ТЕЛ различаются в переводе греческих инфинитивных конструкций.

Заметим, что в ТЕЛ почти отсутствует такой характерный преславизм, как послелог **дѣля** – в тексте он употреблен всего лишь трижды, в остальных случаях употребляется **ради** (аналогичная ситуация и в других евангелистах).

В некоторых чтениях первая редакция ТЕФБ обнаруживает текстологическую общность с древнерусскими апракосами, формировавшимися под сильным воздействием преславской традиции. Ср., например, прибавление в стихе Лк 12:21 **боуде^T тако и сбира собѣ а не въ бѣ батѣя си глѣ възглѣи имѣяи Уши слышати да слыши^T** \omicron \square $\tau\omega\varsigma$ \square $\theta\eta\varsigma\alpha\upsilon\rho$ \square $\zeta\omega\nu$ \square $\alpha\upsilon\tau$ \square $\kappa\alpha$ \square μ \square ε \square ς $\theta\epsilon$ \square ν $\pi\lambda\omega\upsilon\tau$ \square ν . Помимо ТЕЛ, прибавление имеется в тексте Остр., Мст и Арх и Галич., в то время как в текстах четвероевангелий, как

древних, так и позднейших, отсутствует [Невоструев 1997, 68]. Аналогичная ситуация в стихах Лк 7:9, 11:53-54, 14:10, 23:2.

Исследуя словоупотребление толкований, возможно ограничить круг памятников, с которыми ТЕФБ демонстрирует значительную общность: это 13 слов Гр. Бог., 16 слов Гр. Бог. с толк. Ник. Иракл., Панд. Ник. Черн., Панд. Ант., Изб. 1073 г. и Изб. 1076 г., Минеи 1096 и 1097 гг., Хрон. Георг. Амарт., Житие Феод. Ст. и Огласит. поуч. Феод. Студ., Ефр. крмч. и Ряз. крмч., Пчела и некоторые толковые тексты – Толк. Палея 1406 г., Толк. Апост. 1220 г., Чуд. Псалт. XI в., Толст. Псалт. XI-XII вв. Подчеркнем наличие в этом списке эротапокритических текстов; как представляется, можно говорить о значительной общности лексики этих памятников, обусловленной, помимо всего прочего, их жанром.

Наши предварительные выводы о месте ТЕФБ в древнейшей письменности вполне согласуются с выводами А. А. Пичхадзе о месте памятника в кругу древнейших переводных текстов [Пичхадзе 2008, 26].

Заметный преславский след в ТЕФБ, текстологическое родство памятника с апракосами и значительная близость лексики толкований к лексике древних южнославянских переводов позволяет говорить о сходстве ТЕФБ с южнославянскими переводами X-XI вв. В этой связи интересно вспомнить предположение Т. Славовой о том, что евангельский текст, редактировавшийся в Преславе, скорее всего, сопровождали толкования [Славова 1989, 121]. Возможно, ТЕФБ стоит в связи с этим предположением. Во всяком случае, можно говорить о значительной преславской струе в формировании толковой редакции новозаветного текста.

Литература

Богословские труды. М., 1975. Сб. 14. С. 224—225.

Невоструев К. И. Исследование о Евангелии, писанном для Новгородского князя Мстислава Владимировича в начале XII века, в сличении с Остромировым списком, Галичским и двумя другими XII и одним XIII века // Мстиславово Евангелие XII в. Исследования. М., 1997. С.5 – 649.

Пичхадзе А. А. К группировке древнейших переводов с греческого, содержащих восточнославянские элементы в лексике // Труды отдела древнерусской литературы. Т. LIX. СПб, 2008. С. 18 – 35.

Славова Т. Преславска редакция на кирило-методијевија старобългарски евангелски превод // Кирило-Методијевијски студии. Кн.6. София, 1989.

Характер грамматической нормы языка «Сказания о Борисе и Глебе» как памятника книжно-славянской письменности конца XII – начала XIII веков

Караваяева Полина Юрьевна

*Студентка Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова, Москва,
Россия*

Важное значение для истории изучения русского литературного языка имеет проблема соотношения литературного языка Древней Руси и языка письменности. Если мы принимаем точку зрения Г.А. Хабургаева, согласно которой «то, что в русской филологической традиции принято называть церковнославянским языком русского извода, - это книжно-литературный язык восточных славян, сложившийся в результате усвоения старославянских языковых традиций в древнерусских условиях»[Хабургаев: 20-21], а также мысль В.В.Виноградова, что именно церковнославянский язык восточнославянской редакции выступал в функции русского литературного языка в XI-XVII вв., то необходимо определить сферу языка деловой восточнославянской письменности как памятники бытовой, деловой и юридической письменности.

Следовательно, мы должны разграничивать корпусы текстов, на которые опираемся при изучении истории языка на 1)книжно-литературные и 2)официально-деловые, тем самым, обнаруживая наличие двух нормированных систем. Именно к

таким выводам пришла М.Л.Ремнёва в труде «Пути развития русского литературного языка XI-XVII вв.».

Мы нашли подтверждение этого положения в «Сказании о Борисе и Глебе» (Успенский сборник конец XII- начало XIII вв.). На примере данного памятника можно наглядно проследить особенности характера грамматической нормы языка памятников книжно-славянской письменности конца XII- начала XIII вв. и обнаружить черты, свидетельствующие, что живой речи книжника незнакомы сложная система прошедших времен глагола и категория двойственного числа.

Исследуя особенности употребления в тексте памятника имперфекта, обозначающего «действие длительное, повторяющееся, завершившееся в прошлом, не связанное с настоящим»[Ремнёва 2004: 263], нам удалось обнаружить шестьдесят два случая использования имперфекта. При этом благодаря рассмотрению форм имперфекта сразу после форм аориста мы смогли сделать вывод о том, как эти времена соотносились друг с другом в сознании книжника. Так, мы выяснили, что писец предпочитает использовать имперфект, описывая душевные переживания Святых, и аорист, говоря о злых деяниях Святополка Окаянного. Часто, даже в тех случаях когда необходимо использовать имперфект или аорист с имперфектным значением (мы имеем в виду аналитические формы прошедшего времени), писец, всё-таки, глагол-связку ставит в аорист, а не в имперфект, если речь идёт о злодеяниях. Очевидно, из этого мы можем сделать вывод, что употребление аориста или имперфекта для книжника играло, возможно, и стилистическую роль.

В целом мы обнаружили в тексте 89 случаев употребления аориста, 62 – имперфекта, 15 – перфекта, 12 – плюсквамперфекта, но всего несколько раз употреблена форма на –л-. Следовательно, система прошедших времён свидетельствует об отнесении рукописи к памятнику строгой нормы церковнославянского языка, а формы на –л-, проникшие из разговорного языка писца, ясно говорят о древнерусском изводе.

Изучая текст памятника, мы также обнаружили, что писец был знаком с двойственным числом и правильно употреблял его, хотя в этом же памятнике мы найдём и ошибки в его употреблении, подтверждающие отсутствие категории двойственного числа в живом языке того времени: всего обнаружено 46 случаев его правильного использования и 14 случаев замены его множественным числом. Подтверждающие неактуальность для автора противопоставления единичности-двойственности[Ремнёва 1995:107]и, думается, двойственности-множественности, следовательно, отсутствие категории двойственного числа в живом языке того времени. Однако необходимо отметить, что всё же нет оснований относить данный памятник к какой-либо другой норме церковнославянского языка, кроме строгой, ведь почти всегда писец правильно употребляет двойственное число.

Таким образом, мы можем утверждать, что писец, не знавший в живой речи форм двойственного числа, тем не менее, в нужных контекстах их использует, причем в большинстве случаев верно. Это, в свою очередь, прямо указывает на верность оценки изучаемого памятника, как принадлежащего к строгой норме церковнославянского языка русского извода, о чём говорит и сам жанр произведения – первое русское житие.

Итак, морфология изучаемого текста свидетельствует о строгой норме церковнославянского языка древнерусского извода. В памятнике наличествует сложная система прошедших времён глагола:

- 89 случаев употребления аориста,
- 62 случая использования имперфекта,
- 15 раз мы видим перфект и
- 12 раз – плюсквамперфект.

Лишь несколько раз мы встречаем форму на –л-. Однако есть ошибки, в том числе связанные с неверным употреблением в аналитических формах вспомогательной

части и образованием форм имперфекта. В употреблении аористных форм ошибки связаны прежде всего с фонетическим обликом слов;

- б) двойственное число присутствует, но писец всё же допускает ошибки;
- в) встречаем ДС;
- г) видим союз «аще», используемый в условных придаточных предложениях.

Все это дает основание утверждать, что перед нами древнерусский извод церковнославянского языка.

Литература

Ремнёва М.Л. Старославянский язык. М., 2004.

Ремнёва М.Л. История русского литературного языка. М., 1995.

Хабургаев Г.А. Старославянский – церковнославянский – русский литературный язык // История русского литературного языка в древнейший период. М., 1984.

Некоторые особенности фонетики шенкурского говора XVII века

Лопухина Анастасия Александровна

Аспирантка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Памятники локальной деловой письменности XVI-XVII веков обычно дают ценный материал для реконструкции фонетических особенностей говора писцов. Иногда они позволяют увидеть некоторые фонетические явления в их развитии. Далее речь пойдет о шенкурском говоре (совр. Шенкурский р-н, Архангельская обл.), отражающемся в рукописях из Важского Богословского монастыря XVII в., которые хранятся в Государственном архиве Архангельской области, фонд 829.

В рукописях нам встретились примеры с заменой буквы *о* буквой *у* в ударных и безударных слогах. Эти орфограммы, на наш взгляд, имеют разное объяснение.

Случаи написания *у* на месте *о* в позиции без ударения известны ряду северных памятников письменности. В документах, по которым мы реконструируем шенкурский говор, отмечены примеры такой замены в предударной позиции: *ке^лю бу^лницу* ('больница'), *яго^о му^оро^оки, полуж^и...в ка^зну, да^л клубукъ* ('клубук'), *хо^лсту на у^уку* (1-ый предударный слог) *два лу^ску^мка, къ...хумута^м* (2-ой предударный слог); и в заударной позиции: *ивану конечн^уму, воилукъ* (при наличии варианта *воило^к* в тех же рукописях) Мы рассматриваем такие написания как отражение реального произношения писцов, т.к. случаи реализации <о> в звуке [у] в безударной позиции фиксировались в более поздних исследованиях шенкурского говора: *бульница, булесь, му^орозы, му^орошка, у^окошко; хурошо, кумары, угород; войлук, яблук* [Мансикка: 94]. П.С. Кузнецов отмечал в некоторых архангельских говорах лабиализующее воздействие ряда согласных, а также межслоговую вокальную ассимиляцию, проявляющуюся главным образом в сужении артикуляции гласного [Кузнецов: 22, 23]. Таким образом, примеры с заменой *о* на *у* из рукописей XVII века объясняются либо влиянием стоящих рядом согласных (губных, заднеязычных, [л]), либо ассимиляцией гласному [у] в соседнем слоге. В некоторых случаях, например *къ...хумута^м, ивану конечн^уму, два лу^ску^мка*, возможно одновременное влияние и соседнего согласного и гласного в последующем слоге.

Примеры написания *у* на месте *о* под ударением: *ку^бши^к купи^л, на кору^ве^у дво^р, купи^л бу^уку смолы, кужу сырую, ждану кунюху* – мы также склонны рассматривать как отражение фонетики говора. Однако здесь речь идет о явлении другого типа. Мы считаем, что за написаниями *у* на месте *о* под ударением может стоять произнесение [ô].

Как известно, противопоставление фонем <ɔ> и <ô> возникло на всей (или почти на всей) восточнославянской территории после падения редуцированных [Зализняк: 173]. В рукописях <ô> может обозначаться различными способами: *ω, ô* с каморой, *о* широкое или *о* узкое [Там же: 208-209]. Однако в традиции делового письма ни одно из этих обозначений не использовалось. С.И. Котков отмечал, что в некоторых

южновеликорусских текстах XVII века [ô] может изредка передаваться буквой у [Котков: 28, 31]. Возможно, в исследованных нами рукописях используется такая же система обозначения <ô>. Если [ô] передается посредством буквы у, то правомерно ожидать и появления гиперкорректных случаев передачи этимологического [у] в ударяемом положении посредством буквы о. И действительно, такие случаи известны шенкурским рукописям XVII века: *зипо^н серо^у* ('зипун'), *ру^бль дене^е да тое ро^бль...*, *половину плога, да^т...тро^дника^м, по игомен^скому* (2 раза). Таким образом, можно предположить, что в шенкурском говоре XVII века существовала фонема <ô>, однако, судя по небольшому количеству примеров, она уже находилась в процессе утраты.

Как известно, фонема <ô> сохраняется только в тех говорах, в которых она поддерживается наличием на уровне средне-верхнего подъема особой фонемы <ë>. Поэтому резонно предположить, что эта фонема могла существовать в шенкурском говоре XVII века. В рукописях из Важского Богословского монастыря на месте *ё встречаются буквы *ѣ*, *е*, *и*, причем в большинстве случаев используется буква *ѣ*, а замены *ѣ*>*е* чаще всего происходят перед твердыми согласными: *серого*, *ехати*, *бело^е*, *серы*, *сена*, *меру* и т.п.

Написания с *и* на месте *ё немногочисленны (7 случаев перед мягкими и 1 случай перед твердым согласными: *тѣлогри^ку*, *сви^ч*, *хлибе^нному*, *симени*, *мисеца*, *сиять*, *смо^три^м* *давать* / *зипу^н сиро^у*). Однако этих примеров недостаточно для того, чтобы сделать вывод о реализации древнего *ё между мягкими согласными в звуке [и]. Вероятно, в шенкурском говоре XVII века *ё воплощался в звуке средне-верхнего подъема [ê] или [ие], и поскольку подобный гласный под влиянием следующего за ним мягкого согласного более сближался с гласным [и], чем в положении перед твердым, именно перед мягким писцы могли сбиваться с *ѣ* на *и* [Котков: 45]. В более поздних исследованиях шенкурского диалекта отмечался переход [ĕ]>[и] между мягкими согласными и [ĕ]>[е] перед твердыми согласными, т.е. <ë> как особая фонема уже не существовала [Мансикка: 98-99]. В шенкурском говоре XVII века эта фонема еще была, но, судя по некоторому количеству случаев замены *ѣ* на *е*, уже находилась, по всей вероятности, в процессе утраты.

Итак, материалы шенкурских рукописей XVII века свидетельствуют о наличии в диалекте особых фонем <ë> и <ô>, которые, однако, постепенно утрачиваются, а также о лабиализации в некоторых позициях безударного [о] в [у] – явлении, известном говорам до сих пор.

Литература

- Зализняк А.А. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
Котков С.И. Южновеликорусское наречие в XVII столетии (Фонетика и морфология). М., 1963.
Кузнецов П.С. О говорах Верхней Пинеги и Верхней Тоймы // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. I. М.-Л., 1949.
Мансикка В. О говоре Шенкурского уезда Архангельской губернии // Известия ОРЯС. 1912. Т. 17. Кн. 2.

Некоторые грамматические особенности Двинского летописца XVII века (краткой редакции)

Мезина Светлана Дмитриевна

Студентка Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова,
Москва, Россия

До сих пор есть некоторые поздние летописные источники, почти не изученные лингвистически и текстологически. Один из таких источников – *Двинской летописец* (ДЛ), созданный на берегах Северной Двины в XVII и дополненный в XVIII в.в.

Существует несколько исторических работ о Двинском летописце или упоминающих Двинской летописец, в которых показано, что ДЛ – это не совсем летопись в традиционном понимании, она была составлена по заказу за короткий срок, место ее создания – Холмогоры, воеводская канцелярия. (подробнее об этом см. [Сербина 1973: 205]).

Материалом нашего исследования послужил один из ранних списков краткой редакции ДЛ, созданный в 1682 г., хранящийся в БАН, Рукописный отдел, 1.4.12, охватывающий события с 1397 г. по 1682 г (по изд. [ПСРЛ 1977: 148-164]).

Один из наиболее показательных грамматических признаков, определяющих степень книжности летописного текста и «риторическую стратегию» летописца (термин из [Живов 2004: 49]), – это формы прошедшего времени и характер их употребления в тексте. Исследование показало, что по этому признаку текст ДЛ содержит важную границу, после которой меняется принцип употребления некоторых глагольных форм. Эта граница – записи, относящиеся к 1553-56 гг.

В записях за 1397-1556 гг. пишущий использовал формы аориста и формы на -л в соотношении 50% на 50%:

*...а трех знаменщиков под ними **убиша**, перваго **убиша**, ино другой **подхватил**, и того **убили**, ино третьей **подхватил**, **убиша** же третьяго и знамя **взяша** (л.5, 1464 г.) и др.*

После 1556 г. ситуация резко меняется. В части с 1557 по 1673 г.г. формы аориста не встретились ни разу – только –л-претерит:

*И воры **хотели** их от острогу отлучить, **почали** на лошадах объезжать, и сотник, виде то, с ратными людьми назад **возвратился**, и в острог **пришли** здраво (л.15об.-16, 1614 г.) и др.*

В записи за 1673 г. аорист встречается четыре раза, причем в книжном контексте:

*Во 184-м же году генваря к 30-му числу в 4-й час ночи **отъиде** в вечное блаженство небесного царствия благочестивый государь царь и великий князь Алексей Михайлович... (л. 35, 1676 г.) и др.*

Возможно, это устойчивые клише. В летописных текстах часто встречается повторяющийся набор лексем в связи с однотипностью описываемых событий. Можно предположить, что некоторые глагольные корни ассоциируются с определенной грамматической формой – аористом. Это подтверждается и наблюдениями В.И.Борковского, который называет несколько глагольных лексем, представленных и в грамотах формами аориста. [Борковский 1949: 158-160].

Обратим внимание на следующие группы однокоренных глаголов, представленных в тексте ДЛ несколькими или многочисленными формами аориста, с точки зрения их распределения по формам прошедшего времени. Особое внимание надо уделить хронологической границе, после которой распределение аориста/перфекта меняется.

1. Основа –ид-

До 1556 г. – преобладает аорист (11 случаев). Перфект – всего 2 случая.

После 1556 г. прошедшее время глаголов с данным корнем представлено только формой на –л. Ср.:

*Слышав же сия, великий князь и **поиде** к Новуграду со многими ратными людьми и на иные многие грады той области (л. 4-4об., 1464 г.);*

*А к Василью Федоровичю к Обрасцу посла на Устюг, чтоб с устюжаны на Двину же ратюю **шол**, а зжидался бы с Борисом Слепцом да с вятчаны июня в 6 день (л.4об., 1464 г.);*

*И того же 122-го года декабря ко 8 числу ввечеру воры, польские и литовские люди и русские изменники, на Колмогоры под острог **пришли** (л. 15об., 1614 г.).*

2. Основа –еха-

Глаголы с этой основой начинают употребляться в летописи только с 1417 г. Представлен лишь один случай использования аориста (*ехашиа*) в записи за 1417г. Далее – форма на –л. Очевидно, что глаголы с основой –*еха-* тяготеют к форме на –л. Ср.:

Из Великого князя вотчины Василья Дмитриевича ходил князь Юрьев боярин Дмитриевича Глеб Семеновичь с новгородцы, с Семеном Жадовским и с Михаилом Росохиным, и с устюжаны, и с вятчаны ехашиа в насадех на Двину и повоевашиа волость Борок Ивановых детей Васильевича... (л.3об., 1417 г.);

Приехал на Двину писец Иван Петрович Заволоцкой да Дмитрией Иванов сын Темиров (л.7об., 1550 г.).

3. Основа –*горе-* (например, *погорети*)

До 1553 г. 5 случаев аориста, 1 случай - форма на –л. После 1553 г. – только –л.

Ср.:

Маия в 9 день погоре храм святого Николая на Колмогорах (л.6об., 1530 г.);

Погорел посад на Колмогорах от Перелоя вниз до Захаровского при наместнике князь Иване Шуйском (л.6об., 1534 г.);

...и от того двора погорели многие посадиких людей дворы... (л.18, 1636 г.)

4. Основа –*взя-*

До 1555 г. – только аорист (8 случаев). После 1555 г. – только перфект. Ср.:

*И повоевашиа Белозерские волости, и Губинские волости, и Галичские **взяши** на щит, и Устюг пожгоша (л.3, 1398 г.);*

*Они же шедше, и в кораблех товар переписав, **взяли** и пушки, и пищали... (л.9об., 1555 г.).*

Таким образом, лингвистические данные указывают на то, что во время создания записей за 1553-1556 гг. меняется лингвистическая установка составителя текста и его нарративная стратегия. Текст становится существенно менее книжным и более близким к разговорному языку. Вероятнее всего, такая резкая смена предпочтений в сфере использования прошедших времен говорит о смене создателя текста: либо меняется источник (или часть ДЛ до сер. 50х гг. XVI в. имела более ранний источник, а последующая часть – нет), либо меняется сам составитель ДЛ. Ответ на эти вопросы – дело последующих историко-текстологических исследований, однако при этом должны учитываться полученные лингвистические данные.

Литература

- Борковский В.И. Синтаксис древнерусских грамат (простое предложение). Львов, 1949.
Двинской летописец // Полное собрание русских летописей. М., 1977. С. 148-164.
Живов В.М. Очерки исторической морфологии русского языка XVII-XVIII вв. М., 2004.
Сербина К.Н. Двинской летописец // Вспомогательные исторически дисциплины. Л., 1973. Т.5. С. 196-219.

Некоторые принципы перевода и толкования слов в «Лексиконе латинском» Епифания Славинецкого и Арсения Сатановского Минаева Екатерина Сергеевна

Соискатель, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Лексикографические труды южнорусских книжников Епифания Славинецкого и Арсения Сатановского до настоящего времени изучены недостаточно подробно. Справочная литература иногда дает противоречивые сведения даже по поводу времени создания лексиконов. Так, в статье Панченко А.М. [Панченко: 310] указывается, что лексиконы были составлены еще до переезда ученых книжников в Москву – не позднее 1642 года. В другой статье [Белоброва, Матвеева: 112] названо более позднее время составления словаря – 1650 год (датировка одного из сохранившихся списков). Наиболее полное исследование и публикация осуществлена в работе Нимчука В.В. [Німчук]. При

этом изучение текстов «Лексикона латинского» и «Лексикона словено-латинского» проходило вне сопоставления с другими переводами Славинецкого и Сатановского.

Сегодня можно определить круг текстов, для которых авторство южнорусских книжников определено достаточно достоверно. В первую очередь это перевод отдельных частей Атласа Vlaeu [Николенкова]. Первую часть перевел Епифаний Славинецкий, вторая приписывается Арсению Сатановскому. Исследования Н.В.Николенковой показали, что для некоторых частей текста личность переводчика установить не удастся. В решении вопроса об атрибуции перевода южнорусским книжникам важно определить общие принципы их подхода к переводу латинских слов, что отражено в работе над «Лексиконом латинским». Нами выделены следующие общие принципы перевода:

1. Переводчики дают несколько вариантов возможного перевода одного слова. Например, для перевода «existimo» предложены лексемы «мню, говею, нещую» (и еще добавлено на полях «помишляю»). Необходимо заметить, что в предложенных вариантах перевода представлены слова разных стилистических пластов даже для состояния церковнославянского языка XVII века, в том числе архаичные, редко употребляемые в текстах этого времени). Так, по данным словаря XI-XVII вв. глагол «нещевати» характерен для текстов раннего периода, иллюстраций употребления слова позднее 1512 в. в словаре не представлено [СлРЯ: 261]).

2. Для перевода греческих сложных слов, как известно, часто используется принцип калькирования. В результате появляется сложное церковнославянское слово. Переводчики Лексикона не используют калькирования в качестве основного приема. Например, среди 30 слов с первым элементом «circum-» так переведено только одно – существительное «circumcolumnium» = «околостолбие». Авторы предпочитают находить для перевода слово, которое уже есть в русском/ церковнославянском языке. И все же можно заметить определенную закономерность в отношении к калькам: количество калек для существительных и прилагательных существенно выше, чем для глаголов.

Два этих принципа, которые мы считаем основными для Славинецкого и Сатановского, можно сопоставить с другими их переводами. Нами отмечено, что для южнорусских книжников характерно отчетливое стремление к архаизации лексики (так, лексема «нещевати» часто отмечается в переводе уже названного «Атласа Vlaeu», в тексте которого встречаются и другие архаизмы).

Напротив, калькирование при переводах связных текстов встречается намного чаще, чем в словаре (что, безусловно, имеет объяснение – задача лексикона состоит в истолковании слова, тогда как при переводе связного текста понятен должен стать смысл всего текста). Но целый ряд калек оказываются аналогичны отмеченным в Лексиконе. Так, для латинизмов с начальной частью «aequi-» всегда составляются сложные слова с начальной частью «равно-».

3. В словарной статье нет необходимости придерживаться принципа «одно латинское слово» = «одно церковнославянское». Поэтому по целому ряду слов переводчики предлагают описательное толкование. Скажем, для слова «horizon» предложено толкование «край света оком обяти». Естественно, что такое толкование возможно для лексикона и невозможно в тексте. Поэтому при переводе связного текста Славинецкий и Сатановский вынуждены искать слово-аналог.

Сопоставляя Лексикон и переведенный его авторами связный текст, мы должны отметить, что по целому ряду признаков мы обнаружили общий подход. Однако то, что тексты относятся даже не просто к разным жанрам, повлияло на различия, отмечаемые для них.

Литература

Белоброва О.А., Матвеева Е.Н. Арсений Сатановский (Корецкий)// Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Часть 1. СПб., 1992.

- Николенкова Н.В. Церковнославянский перевод Атласа Влаеу: нерешенные вопросы // Вестник Моск. ун-та, Сер. 9. Филология. 2010. №6. С 86-98.
- Німчук В.В. Лексикон латинський Е.Славинецького, лексикон словено-латинський Е.Славинецького та А. Корецького-Сатановського. Київ, 1973.
- Панченко А.М. Епифаний Славинецкий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Часть 1. СПб., 1992.
- [СлРЯ] - Словарь русского языка XI-XVII вв. Выпуск 11. М., 1986.

Особенности реализации согласных фонем в консонантных сочетаниях в восточных среднерусских говорах XVII в.

Смирнова Юлия Владимировна

Аспирантка Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

Источником лингвистического материала для данной работы служат деловые документы 1-й половины XVII в., отражающие особенности восточных среднерусских говоров. В частности, это отказные книги из Ростовского, Суздальского, Владимирского и Муромского уездов (РГАДА, ф. 1209, оп. 2). Имеющиеся в них данные позволяют описать разнообразные особенности реализации согласных фонем в консонантных сочетаниях. Примеры могут быть разделены на три основные группы: изменения согласных в результате регрессивной ассимиляции или диссимиляции; упрощения сочетаний, при которых утрачивается один из согласных (то есть соответствующая фонема реализуется нулем звука); вставка согласного в консонантном сочетании. Далее рассматривается каждая из этих групп.

1. В текстах отражаются широко распространенные в русских говорах процессы – оглушение, озвончение, диссимиляция по способу образования. Ср. некоторые примеры: *ф то^м, Фе^мка, слобо^мки, с Воло^мкою, дрвня Ме^ове^мкова, четыре коровы да два по^мте^лка, Стефани^мка, блиско, по лушко^м, по врашко^м, др^вня Крутобере^мка, по дорошку; збрель, збежали, з гра^мми, зговарива^л, о^одели^л, у моло^обы, з дьяку, з двумь; ^х Коломе^сскому, хто.*

В книге из Ростовского уезда есть и написания, которые могут быть свидетельствами достаточно нетривиального для русских диалектов явления – реализации <к> в [ф] перед взрывными губными и заднеязычными: *к усадищу^с Коряеву* (ср. *в усадище Коряеве*), *к тому^ж усадищу и в пустошамь* (буква *в* в этом случае обозначает глухой звук).

Данное явление соотносимо с реализацией <в> в [γ], [х] (в результате диссимиляции перед губными) и может носить гиперкорректный характер [Галинская: 159]. Интересно, что в современных говорах вокруг Ростова подобные случаи уже не фиксируются [ДАРЯ: 88] (а автор документа называет себя «ростовцем»).

2. Частотны упрощения двух одинаковых согласных до одного: *одинаце^м, стороние, снохою с Ма^мреною, сыно^м с Фи^лкою, были су^зда^лски^м зь гу^оны^м старо^стою, иза* (т. е. *из-за*) *нево, еха^м Володимер^ско^у уездъ* и под.

Также есть многочисленные свидетельства утраты срединного взрывного элемента в группах согласных – [ст^л] > [с^л]: *Сава^ся^н, в ву^се, кре^сяня, хре^сяни^н; [стн^(с)] > [сн^(с)]: По^сничко, и^з Помесново, беспомесново, по^оле...капу^сника, бе^звесно; [здн] > [зн]: за^зБ^ная;*

[стр] > [ср]: *Бо^лшова осрогу* (деревня); [стл^л] > [сл^л]: *Исл^лБ^нева* (Р., фамилия, ср. *Истл^лБ^нева*); ср. имеющиеся в русском литературном языке и диалектах случаи *сланец* (название слоистой горной породы, производное от **stylati*), *сланка* (карликовые стелющиеся деревья) и др.;

[ств^(с)] > [св^(с)]: *Роже^сва, Рожесве^нново мн^стря; [стб^л] > [зб^л]: по^л (пустоши) Пазбищъ;*

[стк] > [ск]: *Жимолоска* (село); [рстк] > [рск]: *с...Селиве^рскам*; [стск] > [ск]: *на озерѣ на Погос^ска^м*.

Встречаются примеры прочих изменений – [ндр^(с)] > [др^(с)]: *Але^кξадру*, *у а^рхимарита*, *с а^рхимарито^м*; [жск] > [ск]: *свияскому жи^ицу* и др.

Кроме этого, имеются довольно необычные случаи, скорее всего, являющиеся гиперкорректными (вызванными нежеланием отражать изменения [рстк] > [рск] и [стк^(с)] > [ск^(с)]): *с Фи^рсткамъ* (от *Фирс*), *с Фи^рстка^м*, *Загосткина* (Р., фамилия, ср. *Загоскина*), *Загостък(и)на*.

Есть и примеры утраты конечного [т] в сочетании [ст]: (*двор*) *пу^с* (35 раз; в основном, в суздальских текстах), *и старо^с* и *крестья^н*. Это явление определяется следующими факторами – принадлежностью к одному слогу, общим местом образования (ср. сохранение конечного сочетания [ск]), характеристикой согласных по признаку твердости-мягкости (упрощение [с'т'] распространено шире [Касаткин: 256], видимо, здесь оказывает влияние частая аффрицированность [т'] в русском языке), наличием противопоставления по напряженности-ненапряженности и характером примыкания к предшествующему гласному (при сильном примыкании, частотном в севернорусских говорах, первый согласный сочетания является долгим и напряженным, второй же может ослабляться, что и приводит к его утрате – см. [Там же: 256, 264]).

3. Встречаются следы обратного явления – вставки согласного в консонантном сочетании: *струбы*, *стру^б*, *струбы новые*. Она объясняется тем, что [т] – это согласный, по своей артикуляции промежуточный между [с] и [р], и он легко может появляться при переходе от одного звука к другому [Князев: 187-188]. Учитывая противоположный случай – *осрогу* (его вряд ли следует считать гиперкоррекцией), можно допустить, что в говорах действовали взаимоисключающие фонетические тенденции.

В ростовских текстах обнаружены и написания *поростло*, *поростла*, *поро^стла*. С одной стороны, их можно считать гиперкорректными (связанными с утратой [т] в сочетании [стл^(с)]). С другой – известно, что в некоторых языках встречается вставка [т] в сочетании [сл]. Это явление объясняют тем, что при переходе от фрикативного срединного к произношению латерального возможно полное смыкание органов речи, в результате чего возникает взрывной звук [Ohala: 160]. Таким образом, с фонетической точки зрения написания типа *поростло* могут быть и прямым отражением изменения [сл] > [стл]. Однако, учитывая, что все эти случаи в сознании носителей связаны с формами *порастет*, *рост* и под., их скорее следует признать гиперкорректными (хотя нельзя исключать, что гиперкоррекция могла иметь место и в произношении, а не только на письме, так как появление [т] поддерживается фонетическими закономерностями).

Литература

- Галинская Е. А. Нестандартная реализация предлога «к» в истории русских диалектов // Русский язык в научном освещении. № 2 (16). М., 2008. С. 154-161.
Диалектологический атлас русского языка. Вып. 1. Фонетика. М., 1986.
Касаткин Л. Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.
Князев С. В. Структура фонетического слова в русском языке: синхрония и диахрония. М., 2006.
Ohala J. J. Coarticulation and Phonology // Language & Speech. Vol. 36. 1993. P. 155-170.

Некоторые текстологические особенности Видения Анастасии

Толокольников Егор Сергеевич

Студент Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

Видение Анастасии (далее **ВА**) – славянский апокрифический памятник эсхатологического характера, являющийся переводом т. н. *Apocalypsis Anastasiae* –

анонимного византийского текста X-XI вв. Греческий текст опубликован Гомбургом на основе трёх списков (**cod. Parisianus** (gr. 1621), **cod. Ambrosianus** (A. 56, Dupl.), **cod. Panormitanus** (III B. 25, S. 82, 83)) XV-XVII вв. Текст **ВА** впервые публикуется Сперанским на основе двух южнославянских списков из пяти ему доступных:

1. Софийской Народной библиотеки № 629, болгарский, XVI в. (основной текст)
2. Белградской Народной библиотеки № 738, сербский, XVII в. (разночтения)

Перевод **ВА** был, вероятно, выполнен в Болгарии не позднее XIV века, в богомильской среде (в числе источников памятника Епистолия о неделе, Славянская Книга Еноха и т. п.). Судя по переводу, редакция оригинала иная, нежели в известных греческих текстах, более близкая к архетипу; сам оригинал, видимо, был повреждён (перевод соответствует главе VI гр. текста). Три же других списка (Белградской Народной библиотеки № 370, № 558, № 447, сербские, XVIII-XIX вв.) имеют лишь отдалённое сходство с греческим оригиналом, не позволяющее сопоставить их с ним сколько-нибудь подробно [Сперанский: 113-114, 117-120 124].

Предметом данной работы является рассмотрение параллельных мест в греческом и славянском текстах с целью установления хотя бы приблизительных особенностей редакции, лежащей в основе **ВА**. Греч. текст приводится по публикации Гомбурга, слав. же – по публикации Сперанского (источники см. выше).

Ниже даётся краткий анализ некоторых параллельных эпизодов (греч. – гл. VI):

1. Описание ряда церковных чинов и наказания недостойных епископов наиболее подробно представлено в слав. тексте. В **Ран.** находим соответствия славянским **на прѣстолѣхъ** (□π □θρ□νου), **понеже епископы нарекошѣ а не бѣхѣ достойны** (δι□τις □καθ□σθησαν ка□ о□к □ξι□θησαν), каковые в **Amb./Par.** отсутствуют. Греч. ε□σιν διαχωρισμ□νοι (**Ран.**) / □στ□κασιν παραχρησμ□νοι (**Amb./Par.**) в **ВА** соответствует оборот **стоѣ вѣнѣ заповѣди чиновъ своихъ**. Кара священникам за грехи их жѣн в слав. тексте также описана значительно подробнее, чем в греч. (в одном случае, однако, **Ран.** уточняет, как именно согрешили попадьи: □π□ραν □т□ρους □νδρας, - чего нет ни в **ВА**, ни в **Amb./Par.**).

2. Эпизод встречи царя Никифора и его убийцы Иоанна Цимисхия различается обстановкой: в греч. текстах Цимисхий стоит возле трона Никифора, лишённый «царской власти», а убитый приходит к нему с увещательной речью; в слав. же трон Никифора упоминается как пустой, а сама сцена происходит в месте наказания разбойников, где и находится Цимисхий. Для **ВА** вновь характерно более пространное описание (ср. **яко рѣцѣ положевѣ на светѣмъ еуангелие възлюбшас <...> а ты тако вѣрѣ не съхрани нѣ злимъ свѣтомъ и закономъ прѣстѣплениемъ погоубиши своѣ доушѣ** при греч. □τι τ□ς χε□ρας □μ□ν □θ□каμεν □ν τ□ □γ□□ Σοφ□□ <...> σ□ δ□ та□та о□к □φ□λαξας (**Ран.**; с **Amb./Par.** расхождения незначительны)). Интересно соответствие **на светѣмъ еуангелие** – □ν τ□ □γ□□ Σοφ□□, отражающее, вероятно расхождение уже в греч. текстах.

3. Речи грешников к Анастасии в **ВА** можно условно разделить на три части, выделяемые (кроме первой) словами **и друуги рече**. Греч. версии дают лишь одно восклицание грешников, которое, впрочем, увязывается со всеми тремя частями в **ВА**: □φ□каμεν τ□кνα, γονε□ς, □δελφους, συγγεωε□ς ка□ συγγεν□δας ка□ γυνα□κας (**Ран.**; в **Amb./Par.** перечень несколько иной) – **оставихъ женѣ и дѣти / отца и матере и братиѣ своѣ** (ч. 1/ч. 2); □να μ□ ε□σ□λθωσιν ε□ς πειρασμ□ν (**Ран.**) / ...ε□ς τ□ φοβερ□ колаστ□ρια та□та (**Amb./Par.**) – **да не придете въ сиѣ мѣки** (ч. 1); δι□τις ка□ α□то□ □δε μ□λλουσιν □λθε□ν □που ка□ □με□ς колаζ□μεθα (**Ран.**; в **Amb./Par.** отличий практически нет) – **нѣ и тие хотѣть само прѣити** (ч. 3) и т. п. Примечательно, что в греч. текстах практически нет рассуждений о суетности земного богатства, за счёт которых слав. текст и оказывается шире (слово χρ□ματα (**Amb.**) / κт□ματα (**Par.**)).

встречаем только в контексте призыва к его раздаче на спасение душ вопиющих; ср. слав. **азь оставих имѣння много <...> дадите цръквамъ и нищимъ и брѣтямъ** (ч. 3)).

Как можно заметить уже из вышеприведённых сопоставлений, славянский текст по большей части обширнее греческого, это же подтверждает дальнейший анализ. Обширность эта достигается за счёт более пространной (и, видимо, более древней по сравнению с имеющимися греческими) редакции оригинала **ВА** (что подтверждает утверждение Сперанского [Сперанский: 125]), а также, вероятно, за счёт преобладающего использования описательного перевода (в терминологии Максимовича [Максимович: 43]): это заметно на протяжении всего славянского текста и может быть подтверждено, скажем, примером 1.

Также любопытной представляется концовка текста: **аще кто обрещетсѧ върень християнинь и прочетет и прѣпишет посланіе се и поустит ѧ въ гради <...> и азь ми благословень и на небеси покоень** (в греческом находим примерно то же). Такого рода оформление позволяет вписать **ВА** в круг т. н. «святых» писем [Панченко], среди которых **ВА** может занять не последнее по важности место, поскольку обнаруживает прямую связь с Епистолией о неделе [Сперанский: 119 - 120], являющейся одним из источников данного рода текстов [Панченко]. Возможно, это также может пролить свет на способ распространения **ВА**, однако эта гипотеза, равно как и более подробное сопоставление редакций греческих и славянского текстов, требует дальнейшего исследования.

Литература

Сперанский М. Н. Малоизвестное византийское «видение» и его славянские тексты // *Byzantinoslavica*. 1931. Vol. 3. P. 110-133.

Максимович К. А. Заповедь Святыхъ Отець. Латинский пенитенциал VIII века в церковнославянском переводе: исследование и текст. М. 2008.

Панченко А. А. Ускользящий текст: пророчество и магическое письмо // http://ec-dejavu.ru/1/Letter_chain.html

Порядок слов в атрибутивных словосочетаниях (на материале памятников локальной деловой письменности XVII в.)

Улитова Анастасия Сергеевна

*Студентка Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова,
Москва, Россия*

Порядок следования членов в атрибутивном словосочетании в древнерусском языке не совсем совпадал с расположением определения относительно определяемого слова в современном русском языке. В современном русском литературном языке определение обычно находится в препозиции относительно определяемого слова, а постпозитивное определение либо выполняет особую роль в предложении [АГ 80: §2152], либо имеет поэтическую окраску [Ковтунова: 44], либо вместе с определяемым существительным образует термин [Молошная: 31]. Для древнерусского языка характерна иная картина. В древнейших русских памятниках определение могло быть и препозитивным, и постпозитивным по отношению к определяемому слову, при этом ни один из вариантов не являлся стилистически окрашенным [Санников: 62], выбор препозиции или постпозиции связывался с формальными показателями слова (часть речи, членное/нечленное прилагательное, прямой/косвенный падеж). Однако в многочисленных работах по данной теме не рассматривался вопрос о том, зависел ли порядок слов в атрибутивных словосочетаниях от диалектной принадлежности памятника. В данной работе рассматриваются елецкие челобитные (по изданию [Памятники...]; при приведении примеров указывается номер челобитной) и псковские челобитные (РГАДА, фонд 1209, опись 1253, ст. № 23349 1626г., № 23350 1627г., №

23351 1628г., 23351а 1632г.; при приведении примеров указывается номер столбца и номер листа).

Далее будут рассмотрены двухкомпонентные сочетания – одиночный атрибут и существительное.

Порядок слов в атрибутивных словосочетаниях и в елецких, и в псковских говорах уже не зависел от падежа и наличия/отсутствия предлога, но ещё зависел от части речи, которой было выражено определение, и от разряда прилагательного и местоимения.

Прилагательные:

а) *качественные*: елецкие тексты – в основном препозиция (напр., *к Баг[а]тому лесу* № 69), но в терминологизированных словосочетаниях (семантическая группа «утварь», «одежда») – постпозиция (напр., *ко⁶та^н сине^н* № 64); для псковских челобитных характерна препозиция (напр., *доброю землею* № 23350, л.12);

б) *притяжательные* – препозиция свойственна и елецкому диалекту (напр., *вдавинаго крестьянина* № 34), и псковскому (напр., *григо^рево^н дочери* № 23350, л.100);

в) *относительные*: елецкие тексты – в основном препозиция (например, *на бе²лы^х кре^стья^н* № 12), но постпозиция в терминологизированных словосочетаниях (напр., *сукно а²ли^нская* № 64); псковские тексты – препозиция (напр., *ввозные грамоты* № 23351, л. 66);

Притяжательные местоимения:

а) *мой*: елецкие тексты – 26 раз в препозиции (напр., *мое^н а⁰наря^нки* № 64) и 30 раз в постпозиции (напр., *бабыли^нкавь май^х* № 28); псковские тексты – 21 раз в препозиции (напр., *моя те^нка* 23351, л.9, 10, 23) и 40 раз в постпозиции (напр., *жена моя* № 23351, л. 8);

б) *свой*: елецкие тексты – только препозиция (напр., *своего двори^нка* № 130), псковские тексты – 10 примеров с препозицией (напр., *в свое^н челоби^не* № 23349, л. 3; 12) и 10 – с постпозицией (напр., *до^ч свою* № 23350, л. 101);

в) *наш* – препозиция и в елецком диалекте (напр., *наша бра^не* № 130), и в псковском (напр., *и³ наши^х да^ч* № 23350, л. 164);

г) *твой*: елецкие тексты – встретилось только в устойчивом сочетании «холоп твой»; псковские тексты – 2 примера с препозицией (*тво^н писе^н* № 23350, л.101); *твои сто^н[ник]и* № 23350, л. 204), постпозиция – только в сочетаниях «холоп твой», «раба твоя», «сирота твоя»;

д) *его*: елецкие тексты – постпозиция (напр., *крестьяне ево* № 30), псковские тексты – 50% на 50% (6 и 6) (напр., *ево дачею* № 23350, л. 206, но *жена иво* № 23351а, л. 27);

е) *их*: елецкие тексты – постпозиция (напр., *по жо^н и^х* № 104; *имяны и^х* №3; *ч^лвка и^х* № 28), псковские тексты – препозиция: *по и^х челоби^ню* (№ 23349, л.3);

ж) *ваши*: елецкие тексты – не встретилось, псковские тексты – постпозиция: (напр., *холопи ваши* № 23349 л. 45);

Определительные и указательные местоимения:

а) *тот* – всегда препозиция и в елецком диалекте (напр., *та вдова* № 41), и в псковском (напр., *то^н Василе[й]* № 23351а, л. 24);

б) *сей* – в елецких челобитных не встретилось, в псковских – препозиция (напр., *семь челоби^не^н* № 23349, л.48);

в) *весь, всякий* – препозиция и в елецком диалекте (напр., *всему стану* № 130; *всае Руси* № 12, 28, 30 и т.д.), и в псковском (напр., *всякими сыски* № 23349, л. 71, 71; № 23351 л. 71; *всеи земле* № 23349, л.3; *всае Руси* № 23350, л. 9, 36, 176 и т.д.).

Итак, прилагательные в обоих диалектах уже в основном препозитивны. Указательные и определительные местоимения также препозитивны. Притяжательное местоимение *свой* в псковских говорах ещё сохраняют постпозитивность, в отличие от елецких, где оно только препозитивно. Отсутствует препозиция для притяжательных

местоимений *его*, *их* в елецких текстах в отличие от псковских текстов, где *их* только препозитивно, а *его* может находиться в обеих позициях. Можно говорить в общем о том, что в псковских говорах порядок слов в атрибутивных словосочетаниях был более свободным и вариативным, чем в елецких говорах.

Литература

- Ковтунова И.И. Порядок слов в современном русском языке и формирование норм словорасположения в XVIII – XIX в. Автореферат дис. ... док. филол. наук. М., 1973.
Молошина Т. Н. Субстантивные словосочетания в славянских языках. М., 1975.
Памятники южновеликорусского наречия. Челобитья и расспросные речи / Под ред. С. И. Коткова. М. 1993.
Русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М. 1980.
Санников В. З. Согласованное определение // Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Члены предложения. М., 1968. С. 47 – 95.

Лексические особенности Толкового Евангелия от Марка Феофилакта Болгарского Фёдорова Екатерина Викторовна

Студентка Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва,
Россия

В русской традиции существует два перевода ТЕФБ. Первичный перевод ТЕФБ (далее – ТЕ-1а) в своей основе имеет древний текст со следами преславского влияния. На древнерусскую среду как на возможное место возникновения перевода указывают некоторые лексические регионализмы [Алексеев 1999: 179]. При более поздней правке преславские лексемы, совпадающие с древнерусским узусом, устраняются: была проведена сознательная редакция перевода, в результате которой текст ТЕ-1а был сближен с текстами афонской редакции (ТЕ-1b). При этом толкования практически не подверглись изменениям. Они могут отражать некоторые региональные особенности (напр., введение цитат аористом *вѣща*, который отсутствует в кирилло-мефодиевских текстах, использующих глагол *рече*).

Следует отметить, что в поздней русской традиции существует второй перевод ТЕФБ (ТЕ-2), который, несомненно, коснулся Евангелия от Матфея [Пентковская 2011, в печати]. Однако текст Евангелия от Марка в ТЕФБ, вероятно, второй раз переведён не был. Об этом свидетельствует тот факт, что в рассмотренные нами рукописи, содержащие поздний перевод ТЕФБ от Матфея (ТЕ-2), включён древний перевод ТЕФБ от Марка, подвергнутый более поздней правке по афонской редакции Евангелия (ТЕ-1b).

Проведём сопоставительную характеристику двух вариантов ТЕ-1 в отношении лексических дублетов. Для анализа привлечены два списка XVI в., имеющие текстологические различия: ТЕ-1а – ф. 304/1, РГБ №109 (далее – ТСЛ 109), ТЕ-1b – ф. 304/1, РГБ № 108, XVI в. (далее – ТСЛ 108).

1. Преславский элемент в ТЕ-1а.

ТСЛ 109 отличается использованием ряда преславизмов:

1. ὁ ποίμην: *пастухъ* (ТСЛ 109) – *пастыръ* (ТСЛ 108).
2. ὁ ἀρχισυνάγογος: *старѣишина съборѣ* (ТСЛ 109) – *архисинагогъ* (ТСЛ 108)
3. ἡ συναγωγή: *соимище* (ТСЛ 109) – *съборъ* (ТСЛ 108)
4. ἀμὴν: *право* (ТСЛ 109) – *аминь* (ТСЛ 108)
5. ὁ θόρυβος: *плищъ* (ТСЛ 109) – *мльва* (ТСЛ 108)
6. εὐώνυμος: *лѣвъ* (ТСЛ 109) – *шуи* (ТСЛ 108)
7. τὸ ἔλαιον: *масло* (ТСЛ 109) – *олѣи* (ТСЛ 108)
8. ὁ πόλεμος: *ратъ* (ТСЛ 109) – *брань* (ТСЛ 108)
9. τὸ σπήλαιον: *пещера* (ТСЛ 109) – *врътъль* (ТСЛ 108)
10. ἀδύνατον ἐστί: *немошно есть* (ТСЛ 109) – *невъзможно есть* (ТСЛ 108) и др.

11. Единичные случаи употребления лексем *акы* и *дѣля* в ТСЛ 109.

12. Преобладание преславской лексемы *пѣчь* и её производных над древней лексемой *скръбь*.

Однако лексические предпочтения ТЕ-1а не во всём сходны с преславскими текстами:

1. Так, в ТСЛ 109 нет преславской лексемы *проныривъ*: в соответствии с греческим *πυνήρος* наблюдается варьирование лексем *злыи* и *лукавыи*, но преобладает, в частности, в толкованиях, вариант *лукавыи*. *Лукавыи* – устойчивая черта всех правленных редакций.

2. Преобладание лексемы *свѣдѣтель* и её производных над преславским *послухъ*.

3. И в ТСЛ 109, и в ТСЛ 108 используется лексема *архиереи* вместо преславского *старѣишина жьрьчьскъ*.

А.А. Пичхадзе противопоставляет текст ТЕФБ (речь идёт о ТЕ-1а; в статье не оговаривается о существовании двух версий ТЕФБ) преславским текстам, сближая с кирилло-мефодиевскими [Пичхадзе 2008: 22]. В этом исследовании на основании лексических оппозиций выделяется две группы переводов с греческого, содержащих восточнославянские элементы в лексике. I группа, в которую здесь попадает ТЕФБ, отражает ориентацию на нормы кирилло-мефодиевских текстов и характеризуется «почти исключительным употреблением послелого *ради*, высокой частотностью глаголов *вѣща(ва)ти*, и *досадити* с его производными», употреблением существительного *скръбь*, глагола *(не)пѣцевати*, словам *свѣдѣтель* и *шуи* «отдаётся явное предпочтение перед синонимами *послухъ* и *лѣвыи*», а также союз *акы* «употребляется очень редко» [Пичхадзе 2008: 21-22]. II группу отличает словоупотребление, характерное для преславских памятников и совпадающее с древнерусским узусом.

Действительно, в ТЕ-1а частотны лексемы *вѣщати*, *(не)пѣцевати*, *яко*, послелог *ради*. Однако ряд лексических предпочтений ТЕ-1а, как это видно из примеров, характерен как раз для восточно-болгарского узуса. Сближает ТЕ-1а с преславскими текстами и структурное калькирование лексем по греческим образцам, а также обильно присутствующий грецизированный синтаксис, что является приметой правленных редакций, которые появятся позднее и будут демонстрировать зависимость от толкового типа текста.

II. Функционирование грецизмов.

В ТЕ-1 представлено минимальное количество древних грецизмов: *аерь*, *керамида*, *апостоль*, *скипетръ*, *спира*. В ТЕ-1а предпочтение отдаётся славянским соответствиям: *катапѣтаѣца*: в осн. тексте *запона* (ТСЛ 109) – *ипона* (ТСЛ 108), в толк. *завѣса* (ТСЛ 109, 108); *порфѣра*: *багрница* (ТСЛ 109) – *препруда* (ТСЛ 108); *пѣра*: *мѣхъ* (ТСЛ 109) – *пѣра* (ТСЛ 108). Чтения ТСЛ 108 совпадают с чтениями афонской редакции.

Кроме того, в ТСЛ 109 имеются грецизмы, которые не отмечены в древних текстах: *уксусъ*, *синапънии*, *дискошь*, *потиръ*. В ТСЛ 108 «древнерусский» грецизм *уксусъ* правится на кирилло-мефодиевскую лексему *оцьтъ*, а *синапънии* заменяется на славянское соответствие *горюшьнъ*.

Наличие в ТЕ-1а вторичных грецизмов, которые не употреблялись в древнейших переводах, сближает этот текст с новыми переводами, которые начнут появляться в XIV в. ТЕ-1b содержит в основном общецерковнославянскую лексику, синонимическое варьирование сведено к минимуму.

Литература

Алексеев А.А. Текстология славянской Библии. СПб., 1999.

Пентковская Т.В. Тырновский перевод Толкового Евангелия Феофилакта Болгарского в русской традиции (на материале Евангелия от Матфея) // Тырновска книжовна школа. Велико Тырново, 2011. Т. 9 (в печати).

Пичхадзе А.А. К группировке древнейших переводов с греческого, содержащих восточнославянские элементы в лексике // Труды отдела древнерусской литературы. 2008. Т. LIX.

К этимологии слав. *tokъ ‘место брачных игр животных и птиц’

Шалаева Татьяна Владимировна

Преподаватель Московского государственного лингвистического университета,
Москва, Россия

Доклад посвящен происхождению обще- и праславянского слова *tokъ ‘место в лесу, где происходят брачные игры животных и птиц’. Традиционно его связывают или со звукоподражанием, или с глаголом *tekti, откуда также – течка ‘период половой активности у млекопитающих’. Эти версии находят подтверждение в языковом материале, но значения, которые *tokъ и его синонимы развивают в славянских языках, заставляют пересмотреть их и предложить более обоснованное, на наш взгляд, решение.

По-видимому, эта лексема действительно родственна глаголу *tekti, но не как его прямое производное, а через посредство слова *tokъ ‘место для молотбы на гумне’. Гумном в крестьянской усадьбе называли комплекс построек, куда сжатые снопы привозили с поля, обрабатывали, сушили и где хранили зерно до отправки на мельницу. Ток представлял собой площадку на гумне, где зерно отделяли от колоса, или обмолачивали. Часто гумно и ток используют как синонимы.

В русских и украинских говорах лексема ток, кроме упомянутых выше объектов, обозначает разнообразные ровные горизонтальные, ничем не занятые поверхности – например, площадки для ульев и для просушки кирпича, глиняный пол в доме, под печи. Подобные факты наводят на мысль об общем источнике происхождения всех этих значений, а именно –значении ‘площадка для молотбы’. Ведь известно, что в традиционных крестьянских представлениях она являлась эталоном гладкой поверхности, поскольку от степени ее утрамбованности напрямую зависело количество зерна, полученного при обмолоте.

Возможность семантического перехода ‘площадка для молотбы’ → ‘ровная пустая поверхность’ подтверждают значения слова гумно и его дериватов в русских говорах. Ср. гумно́ ‘расчищенное место на льду, где раскладывают для замораживания рыбу’ [СРНГ 7: 231], гумёнце ‘кружок, выстреленный на макушке (темени) головы’ [СРНГ 7: 229]. Особенно показательное употребление лексемы гумёнце в значении ‘место, где тетерева собираются на ток’ [там же]. В данном случае развитие семантики из ‘место, где обмолачивают колосья’ очевидно, что позволяет предполагать его и для *tokъ.

Литература

Словарь русских народных говоров / Гл. ред.: Ф.П. Филин (вып.1-24), Ф.П. Сороколетов (вып. 25). Т. 1-41-. М.-Л., 1965-2007-.